

Сергей ЗВЕРЕВ
КРЫЛАТАЯ
РАЗВЕДКА

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Крылатая разведка

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

Крылатая разведка / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2009 — (Спецназ ВДВ)

Майор Службы внешней разведки Инга Назарова попала в жесткий переплет. В составе группы спецназа она выезжает в одну из стран Европы. Задание с виду стандартное: захватить российского мафиози, овладевшего кассой террористов. Но операция проваливается, все спецназовцы погибают, в живых остается только Инга. Руководство обвиняет ее в измене. Что же надо сделать, чтобы снять с себя чудовищные обвинения? Найти двух крепких и подготовленных ребят из спецподразделения ВДВ и выяснить, кто же подставил разведчицу. Но тайный розыск оборачивается кровавой резней...

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть I	10
1	10
2	17
3	21
4	24
5	27
6	30
7	34
Часть II	37
1	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Крылатая разведка

Все события и персонажи, а также некоторые географические названия – не более чем плоды авторского воображения. Любое совпадение – чистая случайность.

Главное на войне, как и в любом деле, – догадаться, что происходит «по ту сторону холма».

Герцог Веллингтон

*Горят дома, горят дома —
такая выдалась зима.
Но мы дошли, но мы дошли,
но мы пришли!
России-матушки приказ
достойно выполнил спецназ
В который раз,
в который раз,
в который раз!*

Из песни армейского барда В. Петряева

Пролог

Сегодня утром перед зеркалом я впервые за последние пятнадцать лет надела ковбойскую шляпу. Я купила ее в Берлине просто так, потому что приглянулась. Никогда не была поклонницей вестернов, всех этих кинострелялок, тем не менее шляпу эту надевать любила. Когда оставалась одна. И казалась я себе тогда шикарной такой раскрасавицей, не ведающей страха, готовой в любой момент выхватить из набедренной кобуры кольт и с его помощью восстановить попорченную справедливость. Пятнадцать лет назад я была глупенькой девочкой, любившей наряжаться. С тех пор у меня появилась настоящая кобура, не ковбойская, а для тайного ношения, несколько раз в жизни мне приходилось стрелять из боевого оружия. И попадать... Когда это произошло в первый раз, я позабыла про свою шляпу раз и навсегда, девушкой-ковбоем больше себя не воображала. Шляпа лежала в шкафу, и я вспомнила о ней только сегодня. И вновь почувствовала себя девочкой, которая верит, что с помощью дурацкой шляпы можно, как в кино, установить справедливость. Мне нужно было во что-то верить... Со вчерашнего вечера за мной по пятам следуют Неукротимые. Неспящие. Они же «Николаи Николаевичи», по-служебному они же коротко и ясно НН (эн-эн). Иными словами, служба Наружного Наблюдения. За мной установлена круглосуточная слежка – «николаевичи» и в самом деле неспящие и неукротимые. Самое мерзкое – это, находясь в ванне или в туалете, ощущать на своем теле их недремлющее око. Слежку я заметила следующим образом. Вчера вечером, отужинав в кафе, я зашла в туалет. А когда выходила из кабинки, то у зеркала увидела девушку, подчеркнута стоящую ко мне спиной и делающую вид, что подкрашивает ресницы. Девушка молоденькая совсем, опыта еще мало, актерских данных тоже не очень много, ресницы красила неумело и как-то вяло, а в зеркальном отражении отнюдь не на саму себя пялилась. Одним словом, я ее вычислила. А у выхода из кафе болтался спортивного вида парень лет тридцати. Что ж, мне брошен вызов. Отступать некуда, меня решили уничтожить. И теперь мне предстоит выяснить, кому это понадобилось. Иначе моя жизнь будет оборвана, а мне бы этого не хотелось.

А часы между тем показывали четырнадцать ноль-ноль. Я перешла на третью скорость, и моя машина оторвалась от сопровождающих меня желтого бьюика и черного внедорожника. Оторвавшись, я поняла, что эти машины были моими случайными попутчиками. В зеркале заднего вида появилась-таки машина «николаевичей». Обычная подержанная на вид иномарка, однако двигатель у нее такой же, как у правительственных лимузинов. Я резко сбавила скорость, «хвост» сделал то же самое. Интересно, поняли они там или нет, что я уже давно знаю об их существовании? Мне, по большому счету, плевать, моя задача оторваться от них, им же предстоит выговор от начальства. Я чуть прибавляю скорость, совсем чуть-чуть, не желая дразнить «николаевичей». Впереди железнодорожный переезд. Я еще чуть-чуть сбрасываю скорость, замечая опустившийся шлагбаум. Подъехав к нему, я и вовсе останавливаюсь. Преследователи делают то же самое. Помимо нас, у железнодорожного полотна замерли еще одна иномарка, микроавтобус-«газель» и мотоциклист. Справа на горизонте появляется железнодорожный состав, кажется товарный. И тут я, чуть ли не снеся шлагбаум, срываюсь с места и пролетаю буквально в нескольких метрах перед мчащимся на полной скорости локомотивом. Представляю, как сейчас матерятся «николаевичи». Они попались на элементарный трюк, подобный способ ухода от автослежки описан во всех хрестоматиях по контрразведке и наружному наблюдению. Тем не менее применяется столь же часто и всегда успешно. Рвануть за мной у «николаевичей» нет ни малейшей возможности. Товарный состав длиннющий, в зеркало заднего обзора я не вижу его конца, поэтому у меня есть время окончательно оторваться от наблюдателей.

Проехав еще километров двадцать по шоссе, я останавливаюсь. Потому что заметила наконец речку, мостик через нее и небольшой двухэтажный домик на берегу. От «николаевичей» я ушла, тем не менее машину на видном месте лучше не оставлять. Возле домика небольшой ангар, именно к нему я и отгоняю автомобиль. Худощавый дедушка, выросший точно из под земли, не говоря ни слова, распахивает ворота ангара, в который я тут же загоняю машину.

– Вы Назарова? – этот вопрос я слышу, как только покидаю автомобиль, не успев еще выйти из ангара.

– Назарова Инга Валентиновна, – отвечаю я, разглядев вышедшего из темноты парня.

Он среднего роста, с мощной грудной клеткой и тяжелыми борцовскими руками. Лицо приятное, мастью темен, лицом загорел и потому похож на молдаванина.

– Вы при оружии, Инга Валентиновна? – спрашивает он.

– Нет, как и было условлено, – отвечаю я.

– Да хоть бы и при оружии, – усмехается парень.

Сейчас он видит перед собой ненакрашенную блондинку средних внешних данных, одетую в брюки и такую же джинсовую куртку, как и на нем самом. Серьезное оружие под джинсой не спрячешь, прочим же оружием может быть даже дамская заколка для волос. Парня-молдаванина блондинками не испугаешь.

– Мы будем разговаривать здесь? – уточняю я.

– Пройдемте в дом, – чуть помедлив, произносит парень.

Мы вдвоем проходим в двухэтажный домик, на котором висит вывеска: «Спасательная станция». Худощавый дедушка остается караулить ангар.

– Ну вот, теперь поговорим. – Молдаванин сопровождает меня в комнату на первом этаже.

Точнее, в по-фирменному обставленный кабинет, где нас ждет человек, с которым я накануне разговаривала по телефону.

Я узнаю его слегка заикающийся голос.

– Мы – частное охранный предприятие, в свободное время занимаемся спасением на водах. Чем можем быть полезны вам, Инга Валентиновна? – произносит хозяин кабинета.

У него обгорелое лицо, перебитый нос и большие выразительные глаза. Волосы длинные и собраны на затылке в хвост, точно у рок-музыканта. Возрастом он не старше молдаванина.

– Я уже сказала, если вас интересует человек по фамилии Канторов, то нам есть смысл поговорить, – начинаю я.

– Канторов погиб, это мы знаем, – кивает хозяин кабинета. – Вот только где его могила, мы не знаем. Вы хотите нам об этом сообщить?

– Да, – отвечаю я. – И еще, мне кажется, вам будут интересны подробности гибели вашего бывшего командира.

Обгорелое лицо дернулось, большие глаза странным образом потеплели.

– А вы кто? – переглянувшись с молдаванином, задал следующий вопрос хозяин кабинета.

– Майор Службы внешней разведки, спецподразделение «Заслон». – С этими словами я протянула служебное удостоверение, которое у меня пока еще не изъяли.

– В самом деле, – усмехнулся молдаванин, подойдя к обгорелому глазастому патрону и изучив мою бордовую книжицу.

– Кстати говоря, я не знаю, как вас называть, – сообщаю в свою очередь я.

– Я Рам, – произносит темноволосый.

– А я – Радж, – добавляет обгорелый.

Надо же – Рам и Радж. Два брата-акробата, как в индийском кино. Оба одержимы желанием найти и уничтожить злодея, какого-нибудь Габар-сингха. Хотя внешне очень спокойны и выдержанны. Как индийские кобры.

– На самом деле я – Валера, – тут же уточняет Рам.

– А меня зовут Саша, – вносит свое уточнение Радж. – Рам и Радж наши боевые радиопозывные.

– Очень приятно, – киваю я. – Так вот, насколько мне известно, в тяжелых ситуациях полковник Канторов всегда обращался к вам. Теперь Канторова нет. Мы были с ним в одной спецгруппе, потом произошел небольшой инцидент, полковник погиб, а меня теперь обвиняют в его гибели. Готовы ли вы мне помочь как частное детективно-охранное предприятие?

Рам и Радж молчат. Даже друг на друга не смотрят, только на меня. И не моргают, точно и в самом деле не люди, а кобры.

– Насчет оплаты можете не сомневаться. – Я тут же называю многозначную цифру.

От покойной бабушки у меня осталась трехкомнатная квартира в центре Москвы, вполне хватит, чтобы расплатиться.

– Ты знаешь, что это такое? – спрашивает Валера, он же Рам, и я вижу в его руках универсальный самозарядный пистолет «Хеклер и Кох».

– Знаю.

– Ну и?..

– В свое время этот УСП решил спор между сторонниками калибров 45 и 9 мм. Пистолет выпускается в модификациях под патрон калибра 45, 40 и 9 мм. У тебя 9? – наугад интересуюсь я, обращаясь к Раму-Валере на ты.

– Пятнадцать патронов¹, – кивает Валера.

УСП – прекрасное оружие. Особенно с лазерным прицельным устройством, высвечивающим на мишени маленькую красную точку. Это очень облегчает стрельбу навскидку и позволяет вести прицельный огонь от бедра.

– Глушитель есть? – интересуюсь я.

Валера молча достает глушитель и присоединяет его к стволу.

¹ У пистолетов под 9 мм 15 патронов, под 45 мм – 13 патронов.

– Ну вот, теперь можно вести огонь в темноте, – киваю я.

При глушителе гасится пламя, которое вырывается из дула в момент выстрела и может выдать местонахождение стрелка в темное время суток. Между тем Саша-Радж достает из своего рабочего стола пистолет-пулемет «узи». М-да, для частного охранного предприятия арсенал, пожалуй, чересчур.

– Откуда у вас все это? – спросила я, не удержавшись.

– С последней войны прихватили. Так, на всякий случай.

Хранение оружия – вещь абсолютно незаконная. Эти «частные детективы» не дебилы и не знать этого не могут. Однако в том, что нам с ними предстоит, подобные штучки могут очень пригодиться. Ситуация знакомая, многие военнослужащие, побывавшие в Чечне, привозили оттуда незарегистрированные стволы. Как сувениры, наверное, или для самообороны. За такое можно схлопотать судимость, но наличие боевого оружия иной раз спасает служивому человеку жизнь.

– А вот это что? – В руках Валеры появились ножны из прочного кожзаменителя. Оттуда торчала рукоятка из специальной резины, не гниющая в жарком сыром климате и не ломающаяся при самом лютном холоде.

– Боевой нож компании «Онтарио», США, – делаю предположение и попадаю в точку.

– Скажи, Инга Валентиновна, тебе к горлу такую штуку никогда не приставляли? – вежливо улыбнулся Валера и молниеносным движением выхватил боевой нож из чехла.

В следующую секунду лезвие ножа должно было оказаться около моей шеи, но я опередила Валеру-Рама – отпрыгнула назад и ударила его ребром ладони аккуратно по запястью руки, держащей нож. Даже не очень сильный, но при этом точный удар заставляет любого крутого профи тут же разжать пальцы. Валера выронил нож, но я тут же подхватила его и метнула в деревянную поверхность стола, за которым сидел обгорелый большеглазый Саша-Радж.

– Неплохо, – замечает Саша. – Кое-что умеешь, майор. Но в дальнейшем будем без званий.

Без званий так без званий. На офицера этот Саша с его прической и тонкими музыкальными пальцами не очень-то и похож. Я, впрочем, тоже. И сейчас мне попросту повезло. Спортсменка из меня всегда была никудышная, фигура не шибко гибкая, руки ненакачанные, да и задница, если говорить откровенно, у меня толстовата. По счастью, мне в свое время попался толковый инструктор по спецподготовке, который не стал мучить меня тренировками, а попросту отработал со мной три простейших боевых приема. Но отработал их до автоматизма. И дал комплекс элементарных, но при этом ежедневных физических упражнений. Когда Валера выхватил нож, во мне сработала чистая автоматика.

– Прямо-таки «Техасская резня бензопилой-6», – произносит Валера, потирая травмированную кисть руки.

– Что? – не понял Саша-Радж.

– Я к тому, что все относительно. Сейчас Инга Валентиновна бодра и спортивна, а вот в реальных боевых условиях...

Валера-Рам по-своему прав. Хотя в боевых условиях ни он меня, ни я его пока что не видели.

– А при чем тут «резня бензопилой»? – поинтересовалась я.

– Ну, анекдот такой есть: жена с мужем перед телевизором сидят, щелкают пультом.

Потом муж говорит:

– Давай лучше на ДВД посмотрим что-нибудь доброе, светлое, чистое.

– Давай, милый, – отвечает жена. – А что будем смотреть?

– Ну, давай «Техасскую резню бензопилой-6».

– И это тебе кажется добрым и чистым?

– Видишь ли, после «Дома-2» и сериала «Похождения пьяных мусоров» «Техасская резня бензопилой» кажется светлой, доброй, чистой.

Этот похожий на молдавана Валера-Рам недоверчив и любит, чтобы за ним оставалось последнее слово. Так и хочет сказать: «Посмотрим, девушка, чего ты стоишь в деле». А анекдот, по большому счету, не смешной. Потому как чересчур реалистичен.

– Ну, рассказывай про Канторова, – перешел к делу Саша.

Во мне уже отбушевали противоречия, но сейчас было трудно собраться с духом и рассказать свою историю. Дело касалось государственной тайны, мне приходилось посвятить в нее этих Рама и Раджа. Правда, они бывшие военнослужащие, армейские разведчики-диверсанты, с тем же погибшим Канторовым участвовали во многих спецоперациях, должны понимать, что услышанное от меня не подлежит разглашению третьим лицам...

Ко всему прочему, у меня не было иного выхода. Других более надежных союзников мне не найти.

– Полковник Канторов был включен в нашу группу в самый последний момент, – начала я, решив-таки идти до конца. – Всего полгода назад он перевелся в Службу внешней разведки из спецуправления воздушно-десантных войск...

Часть I

Гибель специальной группы

1

Полковник СВР Канторов Алексей Алексеевич и в самом деле был включен в нашу спецгруппу в самый последний момент. Командир группы Игорь и я увидели Канторова в генеральском кабинете, где он был представлен нам как заместитель командира. Это несколько задело мое самолюбие. Хотя официально я и не являлась замкомгруппы, но у Игоря всегда была нечто вроде «правой руки». И не только потому, что в совершенстве владела несколькими языками, просто за годы службы сдружились-сработались. Хотя тесная дружба (тем более между офицерами разного пола) в нашем ведомстве не слишком приветствовалась. Канторов – молодой дяденька с худым длинным лицом и умными глазами волка – вожака стаи. Взгляд тяжелый, пронизывающий. В прошлом служил в армейской разведке ВДВ, знает специфику и, главное, практику специальных разведывательных мероприятий. Наше ведомство периодически заимствовало армейских людей, имеющих хорошую боевую подготовку. Аналитиков-очкариков-программистов у нас пруд пруди, проблема была с людьми, умеющими в считанные секунды свернуть шею вооруженному громиле, одним броском ножа уложить нежелательного человека с приличного расстояния и, главное, подставить свою голову и грудь под пули и осколки. Меня обучали этим премудростям, но, по-моему, лишь «даром преподаватели время со мною тратили». В спецгруппе у меня были иные функции. Группа подполковника Игоря Климова работала по целому ряду стран – Англии, Дании, Польше, Германии, и у меня была весьма подходящая внешность – статная голубоглазая блондинка со спокойным флегматичным выражением нежного личика. Как правило, мы ничего не взрывали и никого не трогали, просто негласными методами обеспечивали безопасность работы наших разведчиков, их агентов, а также дипломатов и членов их семей. Ну и, разумеется, если выше перечисленным гражданам угрожала серьезная опасность, мы должны были действовать жестко и решительно. При этом, повторяю, оставаясь на нелегальном положении, по документам прикрытия мы были независимыми журналистами, фирмачами или еще какими гуманитарными миссионерами.

– Итак, Алексей Алексеевич, командир группы ознакомит вас с поставленной задачей, – кивнул Игорю и его новому заместителю генерал Лазарев.

Лазарева зовут Николай Арнольдович, у него совсем не генеральская внешность, его трудно представить при погонах и орденах. Похож на старшего научного работника, скромного и достаточно субличного телосложения. Он немногословен и сейчас умолкает, давая слово командиру группы подполковнику Климову. На включенном экране-мониторе демонстрационного компьютера быстро забегали кадры. Что-то взрывалось, лихие спецназовцы крутили кому-то руки, вот следственная группа изучает чьи-то остывающие тела, наконец Игорь остановил кадр, и все мы увидели лысоватого крепкого мужчину с властным взглядом и шрамом над левой бровью.

– Перед вами Герман Вишняк, – пояснил Игорь. – Трижды судимый уголовник по статьям «вымогательство», «разбойные нападения», «бандитизм». Ему на сегодняшний день уже за пятьдесят, тем не менее прекрасно тренирован, имеет «черный пояс» по карате-до. Подозревался в организации целого ряда заказных убийств. Еще в середине восьмидесятых организовывал подпольные секции контактного карате и участвовал в боях без правил.

– Заурядный бандит, – пожал своими мощными плечами Канторов. – Такими занимается милиция, при чем здесь спецуправление СВР?

– Сейчас объясню. – Игорь как ни в чем не бывало среагировал на вопрос своего заместителя. – Помните конец 90-х, захват заложников в детском санатории «Радужный»?

Вопрос был явно риторическим. Эта история вошла в один ряд с захватом больницы в Буденновске, взрывами домов в Москве и «Норд-остом». У меня, как сейчас, перед глазами встали те, уже ставшие далекими, события.

– В наших руках 800 заложников! Из них больше половины дети! Если наши требования не будут выполнены, все они будут уничтожены!

Я сидела тогда в штабной машине и слышала этот звериный рык в переговорном устройстве, которое держал в руках генерал спецслужб, руководивший операцией по освобождению заложников. Мы с Игорем представляли в штабе внешнюю разведку, так как операция была совместной.

– Послушай, – стараясь сохранять спокойствие, отвечал генерал главарю террористов, – мы не можем немедленно выполнить ваше требование и за один час предоставить независимость твоей республике. На это нужно время, ты ведь умный мужик...

– На зоне твои «мужики», генерал, меня называй полковник Умар! – прорычала в ответ рация.

– Хорошо, полковник Умар. Но, повторяю, для выполнения твоих требований нужно время...

Ненадолго Умар примолк. И мы быстро обменялись мнениями.

– Он явно сидел, причем по уголовным статьям. И не раз... Вон как на «мужика» обиделся, видимо, был в авторитете, – сообщил командир штурмовой группы, знаток подобной публики.

– По линии внешней разведки никакого Умара мы не знаем, – произнес Игорь.

– Да и вообще нету такого полевого командира, – продолжил командир штурмовой группы, имеющий за плечами не одну и не две командировки в «жаркие регионы».

– Каковы возможные потери среди заложников в случае штурма? – спросил генерал командира.

– Достаточно высокие. Я и мои подчиненные сделаем все возможное и невозможное, но террористы заминировали все подходы к зданию санатория. Снайперы, ведущие наблюдение, докладывают, что они отлично подготовлены и вооружены. Это не заурядные уголовники... И в их руках дети.

– Значит, штурм отменяется! – рубанул рукой воздух генерал. – Если, конечно, эти мерзавцы не начнут убивать заложников...

– Мы готовы к такому развитию событий, – кивнул спецназовский командир.

И в следующую секунду из радиации вновь послышалось уже знакомое до отвращения рычание:

– Эй, генералы! Я передумал! Независимость мы завоюем сами, от вас ее ждать времени нет! И желания тоже, падлы сраные! Вы дадите нам деньги, ясно?

– Ясно, – отозвался генерал. – Но лишь при условии...

– Никаких твоих е...ных условий! Я сам все решил, ты тащишь мне деньги, я выпускаю детей. Все!

У нас у всех несколько отлегло от сердца. Дети это дети, а деньги – это бумажки. Слава Всевышнему, что этот Умар отказался-таки от идеи независимости.

– Какую именно сумму? – уточнил генерал.

После ответа мы все аж присвистнули. На сумму, названную Умаром, можно было снарядить и обучить не очень большую, но добротную армию. И с ней завоевать независимость. Этот полковник Умар далеко не дурак!

– И еще золотые слитки, в количестве... – продолжал тем временем Умар.

Мы с обескураженным видом переглянулись друг с другом. Аппетиты этого «полковника» были, мягко сказать, слишком велики.

– Послушай, Умар... – начал было генерал.

– Полковник Умар! – поправил и перебил его главарь. – И не вздумай мне предлагать половину названного мною! Ни на копейку, слышишь, ни на цент меньше, чем я сказал. Иначе мы будем расстреливать детей! Разве дети стоят денег, генерал?

– Ладно, Умар... Полковник Умар! Я дам ответ...

– Через пятнадцать минут! – уже в который раз перебил генерала террорист. – Россия – богатое государство, генерал. Не будем скупыми и мелочными...

– А ведь он умышленно говорит с чеченским акцентом, – заметил командир спецназа, как только Умар отключился.

– Какая сейчас разница?! Национальность этого зверья не имеет значения! Он сможет убить детей, это вне всяких сомнений и акцентов. – Генерал покачал всей своей массивной фигурой. – Россия – богатое государство, – повторил он слова террориста и тут же попросил офицера связи соединиться с высшим российским руководством.

– Президент не отвечает, судя по всему, опять в ЦКБ², – переговорив с верховной властью, сообщил нам генерал.

Тогда, в конце девяностых, во времена правления Бориса Николаевича, такие вещи не были редкостью. Со здоровьем у первого российского президента оставались серьезные проблемы.

– Тем не менее нам дано добро, – довольно-таки недоуменно закончил генерал.

– Добро на что? – тут же переспросил командир спецназа.

– На выполнение требований террористов. Деньги и золото в обмен на детей.

«У нас и в самом деле богатое государство!» – подумала я. Впрочем, детские жизни не стоят и всего золотого запаса мира. Просто как-то уж очень быстро нашлась требуемая сумма! Спустя три часа деньги и в самом деле были доставлены. Деньги в мешках, золотые слитки в специальных ящиках.

– Загрузите все в грузовик с открытым кузовом и подъезжайте к главному входу в санаторий! Мины мы снимем! И еще мое условие – водитель должен быть один и пусть это будет баба!

– Что?! – переспросил полковника Умара генерал.

– За рулем будет баба! Одна! Ну?!

Хриплый истеричный голос Умара исключал любые возражения.

– Хорошо, – произнес вслух и при этом кивнул генерал.

Все молча уставились на меня. В антитеррористическом центре были еще женщины, но – медики, связистки, психологи-аналитики. Спецподготовка и небольшой опыт подобных переделок имелись только у меня.

– С вас коньяк, – совсем не по субординации говорю я генералу.

– Дагестанский, пять звезд, – кивает он.

Спустя десять минут я загоняю грузовик с набитым деньгами и золотом кузовом в ворота санатория. Интересно, в каких купюрах там деньги, что-то уж очень многовато получается. И останавливаюсь около главного входа. Мне навстречу выбегают несколько мужчин, судя по их взмыленному и нервному виду, это заложники, родственники захваченных ребятишек, и сейчас их решили использовать в качестве грузчиков. Так оно и оказалось: подбежав к кузову, они стали поспешно разгружать его, унося мешки и ящики в здание.

² ЦКБ – Центральная клиническая больница для первых лиц государства.

– Эй, слышишь, как там тебя?! Девушка! Зайди сюда! – слышится мерзкий голос из здания.

Придется зайти.

– Ты кто такая? – задал вопрос здоровенный бандюга с замотанной черной тканью рожей.

– Водитель, деньги развожу, – как ни в чем не бывало отвечаю я.

Он оглядывает мою более чем стройную в те годы фигурку, одетую в синие брючки и розовую безрукавку. От бронежилета я отказалась.

– Хорошая девушка, и водитель тоже хороший! – слышу я знакомый голос-рык.

Передо мной вырастает полковник Умар. Ничего особенного, заурядный бородач, шрам над бровью, злые, глубоко посаженные глаза.

– Мы сейчас с помощью специального прибора проверим купюры, – говорит мне Умар. – Если найдем фальшивую, тебя убьем.

– Все проверять будете? – спрашиваю я. – Дней пять у вас уйдет, если шустро двигаться будете.

– Двух часов хватит, – кивает Умар. – Поставь ее у окна! – дает он распоряжение своему громиле. – Пусть видят, с ней все в порядке, но пока мы не проверим деньги, она будет здесь.

Меня подводят к окнам. Двое звероподобного вида громил дышат мне в затылок и молчат. Я рассматриваю подстриженные санаторские газоны, и вдруг стекло перед моим лицом разлетается вдребезги. Я падаю на пол. А рядышком валяются мои стражи, и я вижу, что у каждого в голове по аккуратной дымящейся дырке. Сработали снайперы, причем одновременно. Но зачем?! Выходит, кто-то отдал приказ о штурме?! Гремит взрыв, и у меня закладывает уши...

Спустя какое-то время меня откапывают из-под обломков, и врач изумленно говорит, что у меня всего лишь легкая контузия.

– Приказа о штурме никто не отдавал, – произнес Игорь после очередного вопроса Алексея Алексеевича. – Сработали два снайпера, стрелки очень высокого класса. Они сумели замаскироваться в горах, напротив санатория, причем на приличной высоте. Их выстрелы спровоцировали взрывы и стрельбу в здании, спецназ вынужден был пойти на штурм.

– Вот как? Ни о каких снайперах в открытых источниках не сообщалось, – произнес полковник Канторов.

– Никто не знает, что это за снайперы, но они спровоцировали откровенную бойню, – продолжает Игорь. – Среди заложников – восемнадцать погибших, более восьмидесяти раненых. Спецназ сработал как умел – основное количество детей удалось спасти. Среди офицеров «Альфы» – восемь погибших, более двадцати раненых. Все террористы, включая полковника Умара, – уничтожены.

– Это мне известно, – произнес Канторов.

– Но вам вряд ли известно, что полковник Умар и бандит-рецидивист Герман Вишняк – одно и то же лицо, – подводит итог Игорь.

Я ловлю на себе взгляд Алексея Алексеевича и молча киваю. Я видела Умара меньше минуты, но шрам и властный злой взгляд запомнила глазом профессионального разведчика.

– Кого же убили при штурме? – спросил Канторов.

– Это, как и многие другие вопросы, мы выясним у него, – кивнул Игорь в сторону изображения Вишняка-Умара.

– Самое интересное не это, – замечаю я. – Самое интересное, что деньги и слитки исчезли подчистую.

– Вот как? – переспросил бывший десантник. – Ну и как вы это теперь можете объяснить?

– Кому-то понадобились деньги, – ответил Игорь. – Не просто большая сумма, а очень-очень большая. И этот кто-то сидел в те годы во властных структурах. Так запросто взять эту

сумму из бюджета он не мог, поэтому привлек уголовника Вишняка. Была разработана акция с захватом заложников и главное – способ ухода Вишняка вместе с деньгами.

– И кто же такой этот КТО-ТО из властных структур? – задал свой следующий вопрос Алексей Алексеевич.

Игорь, переглянувшись с генералом и со мной, продолжил:

– В то время сидел в правительственных структурах некий «черный канцлер». От него зависели многие государственные решения. Должность имел скромную – некоего секретаря совета по вопросам сотрудничества в области культуры стран бывшего СССР.

– Помню такого, – кивнул полковник. – Заславский, кажется.

– Засланский, – иронично скаламбурил Игорь.

– Этот «Засланский-засранский» наладил бизнес по торговле людьми во время первой чеченской, – напомнил те давние годы Канторов. – Бандиты похищали близких родственников состоятельных граждан, вывозили в Чечню, которая тогда была под властью полевых командиров, и требовали выкуп. Разумеется, со многими нулями. Заславский выступал в качестве посредника.

– И имел свои «комиссионные», – согласился с полковником Игорь.

– Разведка ВДВ имела сведения о том, где прячут заложников, похищенных в Москве. Мы готовили операцию по их освобождению, но в последний момент из столицы прибыл Заславский с двумя чемоданами денег и операция была отменена.

После этих слов Канторова некоторое время все молчали. Все верно. Мы люди служивые – есть приказ, будем выполнять. Нет – сидим сложа руки. Это в боевиках только главный герой на свой страх и риск, по велению души крошит в мелкую лапшу международных террористов и громит их базы. В жизни все по-другому. Помните Черного Шамиля? Изверга-«гинеколога», террориста, столь любившего захватывать больницы, роддома, взрывать вокзалы и самолеты? Так вот, до определенного момента приказа о его ликвидации ни «Альфа», ни «Вымпел», ни ГРУ, ни наше ведомство не получали. Вот приказ об установлении его местонахождения был, и его все успешно выполняли. На самый верх шли донесения о том, где Черный Шамиль был сегодня, куда отправится завтра, где его можно ждать через неделю... Разведданные были точные и проверенные, тем не менее приказа провести операцию по уничтожению «гинеколога» никто не отдавал. Поэтому он спокойно разъезжал по всему Северному Кавказу. Но вот закончились девяностые и с самого верха пришел наконец долгожданный приказ. Видимо, покровители «гинеколога» вынуждены были покинуть высшие эшелоны власти. Ну а после того, как приказ был получен, Черный Шамиль недолго гулял по кавказской земле, всего полгода. Был выслежен и разорван в клочья взрывным устройством, о чем в свое время писали все средства массовой информации. Так же и с Вишняком. Его группировка ранее была кому-то очень выгодна.

– Деньги и слитки террористам выдали не только из государственных закромов, – наконец нарушил паузу Игорь. – Большую часть дали крупнейшие на тот период российские предприниматели. Девять человек...

– Надо полагать, сугубо из альтруистических соображений? – скорее не спросил, а утвердительно произнес Канторов.

– Ну, их вызвали во властные кабинеты...

Договаривать дальше Игорь не стал, полковник лишь понимающе кивнул.

– Понимаю, что задаю дурацкий вопрос, но вы уж извините за десантную тупость, – сыронизировал над собой Алексей Алексеевич. – Зачем ему столько денег? Он ведь и так был очень небеден.

– На эти деньги он собирался создать некое параллельное государство, со своей армией и полицией, параллельной культурой и масс-медиа. Организовав все это, через короткое время он взял бы власть над страной... По крайней мере, он очень на это надеялся.

– Но ведь он плохо кончил? Кажется, автокатастрофа? – Алексей Алексеевич впервые усмехнулся.

– Да. В начале 2000 года власть сменилась, Заславского вытурили из властных структур и завели на него уголовное дело. Но он сумел бежать за границу, где некоторое время изображал политического беженца, сам же всюду готовился к возвращению и создал целую организацию, в задачу которой входила дестабилизация обстановки в России. Деньги и золото Заславский сумел вывезти с собой. Но полтора года назад он погиб в автокатастрофе.

Алексей Алексеевич понимающе посмотрел сперва на Игоря, потом на меня. Дескать, молодцы ребята, не дали врагу Родине навредить. Уточняющих вопросов полковник задавать не стал.

– Случилось не то, о чем вы сейчас подумали, – произнес Игорь. – Заславского ликвидировал начальник его собственной службы безопасности...

– Герман Вишняк? – уточнил Канторов.

– Да. И теперь организация, щедро профинансированная Заславским, в руках Вишняка. Как и все деньги, состоящие на счету организации. Этот Вишняк отнюдь не из заурядных уголовников. Очень хитрый, волевой, жестокий бандит. Ко всему прочему неплохо образован, знает языки, литературу, живопись...

– Наверное, на рояле еще музицирует?

– Насчет этого данных нет. Начинал как обычный рэкети́р и вымогатель, но потом попал в услужение к Заславскому, вначале был его телохранителем... Закончил, как видите, могильщиком.

– По линии Интерпола и МВД мы собирали данные о том самом полковнике Умаре, но ничего не находили, – вставила свое слово и я. – И вдруг случайно нам попала ориентировка на Вишняка, который разыскивался милицией и предположительно скрывался за границей. По этой ориентировке я узнала его. Это Умар. Что подтвердили и некоторые выжившие при штурме заложники.

Таким образом, я пояснила полковнику, откуда столь точная информация о «воскресшем Умаре» в образе бывшего тренера по карате Вишняка.

– А деньги и золото, что же, так и не пытались найти? – задал последний вопрос десантный полковник.

– Пытались, но... Никаких следов. Тогда никаких, – посмотрев на генерала, многозначительно добавил Игорь.

– Понимаю, – произнес полковник.

– Недавно нашим людям за границей удалось кое-что выяснить, – продолжил Игорь. – И наше задание, Алексей Алексеевич, будет заключаться в следующем. Вишняк имеет прямой выход на банки, в которых хранится «золотой запас» покойного Заславского. Более того, в его руках созданная бывшим шефом целая разведывательно-подрывная организация. Однако Вишняк очень и хитер и осторожен. Сейчас он решил продать и организацию и часть счетов.

– Продать? – переспросил Канторов.

– Ну да. То есть сдать с рук на руки. В буквальном смысле. Передать руководство, но за вознаграждение и, безусловно, некие гарантии будущего... Надо сказать, Вишняк очень быстро нашел покупателей.

– Кто же покупатели и какова цена?

– Именно это и предстоит выяснить спецгруппе, в которой вы с сегодняшнего дня являетесь заместителем командира, – подытожил почти все время молчавший генерал Лазарев,

начальник управления специальных операций. – И, как сами понимаете, вы будете действовать на автономном нелегальном положении.

Последняя фраза означала, что мы ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не должны раскрыть себя как офицеров внешней разведки. В случае провала будет считаться, что группа действовала по собственной частной инициативе. На помощь дипломатов, прочих официальных структур нам рассчитывать не придется. Это основной закон нелегальной разведки.

– Все мои подчиненные имеют псевдонимы – сообщил своему заму Игорь. – Вам присвоено имя Парашютист. Не возражаете?

Возражений не последовало. Канторов и в самом деле в свое время совершил более сотни прыжков с парашютом. Это я запомнила из его личного дела.

2

Утром следующего дня Игорь собрал на спортивной базе управления всех сотрудников спецгруппы:

– Вишняк понимает, что руководить столь мощной организацией, вести подрывную деятельность против России ему не по зубам. Он опасается, что мы сможем достать его, если диверсии зайдут слишком далеко, да вообще, судя по всему, решил обеспечить свою уже не столь далекую старость. Поэтому он решил передать руководство организацией и ее банковские счета некоему господину. Это Ричард Лимм, коммерсант из Лондона. Личность, на которую мы ничего не смогли найти, из чего вытекает вывод, что это имя, фамилия и род занятий вымышленные. При этом неплохо говорит по-русски, достаточно спортивен, явно имеет специальную подготовку. Но мы до сих пор не знаем наверняка, кого может представлять этот Лимм.

– Английскую или американскую разведку? – не удержался от вопроса молодой офицер спецгруппы по имени Дима.

– Возможно, – кивнул Игорь. – Но не исключены еще два варианта – исламская террористическая структура, имеющая интересы в РФ, или же родная российская мафия, некая глубоко законспирированная группировка, желающая прийти к власти. Посмотрите на Лимма.

С этими словами Игорь раздал всем цветное фотоизображение худого, гладко выбритого мужчины лет сорока пяти, довольно смуглого, с густыми черными бровями и орлиным носом. Пожалуй, его можно было назвать мужественно-красивым.

– На англичанина не похож, – произнес Алексей Алексеевич. – Скорее на араба.

– Одним словом, южанин, пусть даже английского происхождения, – подытожила я.

– Сведения о сделке между Вишняком и Лиммом мы получили от надежного источника, – продолжил Игорь. – Сбор информации осуществлял Корсар, думаю, лишних вопросов ни у кого не возникнет.

Вопросов не возникло, даже мысленных. Офицер-нелегал по имени Корсар провел с нашей спецгруппой восемь удачных акций. У нас был отличный опыт и своя тактика – Корсар собирает информацию, делает первичную разработку, потом связывается с Игорем. Тот доводит план операции до ума, учитывая тончайшие детали, и после, на подготовленную Корсаром почву, спускаемся мы – подразделение специальных операций. На сей раз Корсару удалось вытащить информацию из ближнего окружения Вишняка, наверняка сумел вскружить голову какой-нибудь его любовнице или секретарше, с ее помощью установил хитроумную прослушку... Впрочем, это только мое предположение, своими разведывательными ноу-хау Корсар делится редко, лишь в крайних случаях. Вишняк, как и его покойный патрон, сумел укрыться в Лондоне, получить статус политического беженца и теперь возглавлял какой-то благотворительный фонд, который, разумеется, был лишь ширмой.

– Итак, встреча Лимма и Вишняка состоится в европейской столице. – Игорь назвал город, в котором по роду службы я была дважды. – В гольф-клубе «Белая лошадь».

Клуб истинных джентльменов. Эдакие стилизации под староанглийские традиции. В подобных гольф-клубах занимаются самыми разными вещами: пьют кофе и виски, знакомятся, обмениваются деловой информацией, заключают сделки, фотографируются с женами, семьями и любовницами... Ну и иногда берутся за клюшку и гоняют мячик, то есть играют в сам гольф. Место встречи очень удобное, правда, иногда довольно-таки многолюдное. Иногда.

– Вишняк намерен передать Лимму часть банковских кодов. Наша задача – взять их обоих с поличным и выяснить, кто стоит за Лиммом.

– А что будет с Вишняком? – задала вопрос хорошенькая девушка, капитан Нина Севергина.

– А с Вишняком будет теплая и дружественная беседа. Корсар сумел добыть доказательства его причастности к смерти Заславского. Если они будут представлены правительству Великобритании, Вишняка либо выдадут нам, либо дадут пожизненное заключение в Англии. Ни то ни другое его не устроит. Поэтому мы выдвинем следующие условия: он помогает вернуть в Россию золото и деньги, награбленные его бывшим патроном, распускает созданную им организацию, ну а мы... Даем ему некоторое время, а потом официально требуем у Англии его выдачи.

– Значит, даем мерзавцу возможность скрыться? – уточнил высокий, длиннорукий майор по имени Денис.

– Увы, мы не можем наказать и захватить всех сразу, – ответил Игорь, хотя мог бы просто осадить подчиненного за неуместный вопрос. – Больше всего нас интересует Лимм, точнее, те, кого он представляет. Нам важно, чтобы ценности и огромные капиталы Заславского вернулись на родину. Нам важно, чтобы враждебная России организация прекратила свое существование. Ради этого придется пойти на сделку с Вишняком, а уж за свою жизнь этот мерзавец продаст кого угодно.

– Что мы можем сделать с Вишняком и Лиммом, если возникнет нештатная ситуация и все пойдет не так, как предполагалось? – спросил сотрудник по прозвищу Дракон.

До прихода в наше подразделение он занимался вопросами физподготовки оперативников СВР, был инструктором рукопашного боя.

– Нештатной ситуации быть не должно! – осадил Дракона-рукопашника Игорь. – Более того, напоминаю: совершать убийства граждан, кем бы они ни были, мы не имеем права. Наша группа создана для проведения бескровных акций. Повторяю: наша задача лишь захватить Лимма и Вишняка. И задать им несколько вопросов.

– С применением «эликсира честности»? – уточнил парень по прозвищу Ординатор, не так давно окончивший Военно-медицинскую академию.

– Возможно, – произнес Игорь. – Но «эликсир» не принесет их здоровью серьезного вреда.

«Эликсир честности» – он же «Сыворотка правды». Ординатор прихватит с собой пару маленьких ампул с этой жидкостью, и, если с помощью шприца ее вколют Лимму и Вишняку, те расскажут много интересного, сознаются и покаются во многом...

Даже в том, что в первом классе выбили стекла в пионерской комнате и намазали клеем сиденье учительского стула.

– Если больше ни у кого нет вопросов, то мы расстаемся. Билеты и документы, как всегда, нужно будет получить в комнате 14. Теперь до встречи в Европе.

Таковыми словами Игорь закрыл наш последний сбор перед вылетом на задание. Я в свою очередь проводила полковника Канторова до комнаты 14. Данная «комната» – это спецобъект СВР. Ничем не примечательное с виду строение. Набираешь на железной двери код, проходишь внутрь, в пустой коридор. Доходишь до закрытого, встроенного в стену окошка с микрофоном. Произносишь в него условную фразу, и окошко немного приоткроется. Нужно сунуть в эту щель специальный жетон и получить взамен документы и билеты. Мы не видим и не знаем тех, кто нам их выдает, те в свою очередь не знают нас. А за всем этим (и за нами, и за «билетерами») ведут наблюдение сотрудники управления внутренней безопасности. Но те лишь видят нас, но не наши билеты и документы. Режим секретности, ничего не попишешь. Алексей Алексеевич стал по документам российским ученым-историком, собирающим информацию о европейских государствах середины какого-то там века, а же – легкомысленная польская туристка. Все мы летим в разное время, разными рейсами и даже самолетами разных авиакомпаний.

Прибыв следующим вечером в европейскую столицу, я около двух часов прокаталась на местном общественном транспорте, выявляя таким образом возможную слежку. Убедившись,

что «наружников» за польской туристкой никто не пустил, я поймала такси и добралась до центра города, где в маленьком уютном кафе, стилизованном под библиотеку с читальным залом, меня ждали Игорь и Корсар. Это средних лет мужчина, немного похожий на актера Владимира Конкина, такого поселившегося, набравшегося европейского лоска Володю Шарапова.

– Билеты в гольф-клуб я достал. – Корсар всегда переходит к делу без лишних предисловий.

– Сколько? – уточнил Игорь.

– Четыре штуки. На завтрашний вечер. – Корсар неторопливым, со стороны незаметным движением передал Игорю билеты. – Беседа ведь будет проходить не в стенах клуба?

– Разумеется, нет, – улыбнулся Игорь.

Корсар иногда позволяет себе чуть подколоть командира спецгруппы, давая понять, что «мозг предприятия» – это он. Ситуация же предельно ясна – двое должны захватить Вишняка (вместе с его «черным поясом»), двое берут Лимма, о котором нам вообще ничего не известно.

– В клуб пойду я, Дракон, Ординатор и... наша очаровательная польская гостья, – кивнул мне Игорь.

В самом деле, в гольф-клубе без дамы группа мужчин будет выглядеть подозрительно. Мы с Игорем супружеская пара, Дракон и Ординатор – одинокие симпатичные господа, жаждущие интересных знакомств.

– Ну а снаружи нас будут ждать Парашютист (полковник Канторов), Дэниэл (Денис), а также мотогонщик (Дима) со своей девушкой (Нина Севергина).

Корсар кивает, молча оглядывает меня и Игоря. Напоминать о том, что на связь с ним можно выходить в самом крайнем случае, Корсар считает лишним. Он сделал свое дело, мы идем в гольф-клуб, а он пойдет в какой-нибудь ресторанчик. В силовых акциях Корсар не участвует, хотя соответствующую подготовку имеет. Его задача все подготовить и рассчитать. Он обменивается с Игорем парой реплик относительно предстоящего вечера, и мы расстаемся.

– Хорошо выглядишь, – замечает он мне, прежде чем окончательно откланяться.

– Ты тоже, – отвечаю ему я.

С Корсаром мы на «ты». Причем с давних времен. Вместе проходили спецподготовку на базе под Балашихой.

– Ну, до вечера! Завтрашнего, – в свою очередь откланивается Игорь.

Мы остановились в разных отелях, Игорь и Денис – на съемных квартирах, адреса которых мне, разумеется, неизвестны. И сейчас мне ничего другого не остается, как немного прогуляться по столице, провериться на предмет слежки и идти отсыпаться в свою гостиницу.

Не прошло и двадцати минут прогулки, как мне сильно не понравился один парень. Он то приближался ко мне, то перебежал на другую сторону улицы, при этом неотступно следовал за мной. На вид местный, европеец, одет средненько, очень худой, чуть выше среднего роста, но не гигант. Периодически разговаривает с кем-то по мобильнику. Так, вот опять посмотрел на меня. Дернулся всей фигурой, отвернулся и быстро зашагал вперед. На профессионала не похож. Хотя кто знает, какие методы у местной контрразведки. Может, как раз так вот ненавязчиво давят на психику объекту разработки, заставляют суетиться. Парень дошагал до угла и остановился у витрины магазина, делая вид, что разглядывает за стеклом рекламируемый товар. На самом деле в витринном отражении он прекрасно видит, куда двигаюсь я. Парень вновь берется за мобильник. Теперь мне ни в коем случае нельзя выдать себя, показать, что давно просекла его интерес к своей скромной персоне. Я быстренько сворачиваю в первый попавшийся переулок, выбираю укромное темное местечко и затаиваюсь в нем. Сейчас парнишка должен рвануть за мной. Или же меня прискачут искать сюда его коллеги, вызванные по мобильнику. Вот, кстати, и они! Я слышу быстрые шаги, и в следующее мгновение передо мной вырастают сразу трое парнишек, похожих на первого одеждой, но при этом значительно

плотнее. Они очень быстро находят меня, укрывшуюся в небольшой нише рядом с аркой и проходом, ведущим из переулка на улицу. Самый волосатый и небритый из них не говоря ни слова бьет меня ногой в живот и хватает своей обезьяньей лапой мою сумочку.

3

Удар у небритого вышел не сильным, я успела подставить бедро. Отдавать свою сумочку мне никак нельзя, она дорога мне не только как память, там есть предметы, совсем не предназначенные для подобных человекообразных.левой рукой мне удастся ударить небритого под локтевой сустав, тот вскрикивает, а я вырываю у него сумочку обратно. И тут же бью уже куда более отработанным движением небритого под колено. Он вскрикивает уже куда громче и теряет равновесие. Около минуты он не опасен, силу своего удара я знаю, а колени у всех одинаковые, не из чугуна отлитые. Ребята выкрикивают страшные бранные слова на родном языке и пытаются в свою очередь сбить меня с ног. Я уклоняюсь от удара в голову, но пропускаю сильный толчок в грудь. Один из «мальчишек» по-бабски вцепляется мне в волосы и дергает вниз. Я оказываюсь коленями на асфальте и тут же замечаю лезвие в пальцах правой руки второго. А также вижу прискочившего к приятелям на помощь четвертого, того самого, что вел меня, начиная с улицы. Он с разбега бьет меня ногой в голову, я ловлю его ступню, но провести прием мне не удастся. Сильный удар впечатывает меня в асфальт всем телом. Мои «мальчишки» дружно завизжали, и, как думалось мне поначалу, от восторга. Но как только я не получила следующего ожидаемого удара и отняла руки от головы, то увидела, что парнишки разлетаются в разные стороны, точно городки. Кто-то мощный и неразговорчивый всего несколькими ударами расшвырял в разные стороны всех троих и добавил попытавшемуся встать на ноги небритому-волосатому. Не прошло и пяти секунд, как парнишек точно ветром сдуло. Несмотря на полученные травмы, они предпочли с чемпионской скоростью покинуть переулок. А я поднялась на ноги и увидела того, кто меня спас.

– Как вы здесь оказались? – с трудом скрыла я удивление, увидев худое длинное лицо полковника Канторова и его умные глаза.

Сейчас они были добрыми, совсем не как у волка-вожака.

– Я вас случайно увидел, – ответил Алексей Алексеевич. – Ну, по городу гулял, смотрю – вы. Такая красивая, нарядная. Вдруг остановились, занервничали, в переулок свернули. Я почему-то тоже заволновался, пошел за вами, а тут... Кажется, не зря нарушил правила.

Да, сотрудник спецгруппы не имеет права входить в контакт с другим коллегой без разрешения командира. А его Игорь не давал. Тем не менее мы с Канторовым стояли в злосчастном переулке и как ни в чем не бывало разговарвали.

– Поверьте, чистая случайность, – добавляет Парашютист и улыбается.

Я впервые вижу его улыбку. Совсем другое лицо у полковника, ну просто-таки совсем. Интересно, у него ведь должны быть дети, помню из личного дела, но вот забыла: две девочки или два мальчика?

– Кто эти ублюдки? – спрашиваю я, киваю в сторону, где скрылись мои преследователи.

– Ублюдки и есть, – отвечает Канторов. – Шпана, бандиты. Сумочку у вас хотели отнять, телефон. А срисовали вас заранее, я обратил внимание, на вас парень доходяжного вида минут пятнадцать пялился и плелся за вами, иногда вперед забегал.

Мне двойка. Нет – кол! Ну да, слежку я заметила, но почему сразу не сообразила, что это обыкновенная шпана, желающая ограбить хорошо одетую дамочку-туристку. И никакая не контрразведка. Вот что значит профессиональная деформация – сотрудников наружного наблюдения опасаясь сильнее, чем убийц и бандитов. Но то, что Канторов заметил меня (а заодно и моего соглядатая) куда раньше, чем я его, неприятно задело чувство профессионального достоинства. С другой стороны, приятно, что в нашей спецгруппе теперь такой сотрудник.

– Это шпана, обыкновенная шпана, – повторил Канторов. – А я действительно заметил вас чисто случайно, подходить близко не хотел... Не ломайте себе голову. Сейчас я поймаю такси, и вы поедете в гостиницу. Надеюсь, больше сегодня не встретимся.

Я лишь улыбаюсь в ответ, и мы идем ловить такси.

Утром следующего дня я встречаюсь с Игорем и рассказываю ему о происшедшем накануне. Поначалу он мрачнеет, потом усмехается.

– Это и в самом деле шпана, – произносит Игорь, чуть поразмыслив. – А ты тоже хороша, сама в ловушку отправилась, в темный переулок с освещенной улицы.

– Еще не стемнело, – уточняю я.

– У нас порой некоторые думают: тут, на Западе, – рай земной. А здесь, по большому счету, все такое же. И подонки такие же, и переулки заплыванные, без фонарей... Как твое самочувствие? – спрашивает командир.

– На мне как на собаке, ты же знаешь. Да и наш Парашютист вовремя подоспел.

– Хотя и нарушил служебную инструкцию, – кивает Игорь. – По-моему, он неплохой мужик.

– Наверное, – улыбаюсь я.

– Ну-ка еще раз повтори порядок своих действий в гольф-клубе! – переходит к основной части командир.

Я повторяю, и Игорь удовлетворенно кивает. Ему далеко за сорок, но он моложав, строен, с густой прической и при этом в отличной боевой форме. Начинал в Афганистане военным переводчиком, затем попал в спецназ КГБ, а в середине бардачных девяностых перевелся к нам, в управление спецопераций Службы внешней разведки.

Гольф-клуб «Белая лошадь» – замечательное место. В том смысле, что для пребывания в нем совсем не обязательно надевать вечернее платье. Сойдет и скромный, но элегантный спортивный костюм. У меня костюмчик обтягивающий, при этом какого-то игривого зеленоватого цвета, да еще и с узором. На меня обращают внимание, и это не есть хорошо. Я поглядываю на часы, всем своим видом показывая, что мой спутник запаздывает. На самом деле Игорь не опаздывает, он подойдет с минуты на минуту. Моя же задача провести первичную разведку, посетить те места, куда мужчинам вход воспрещен (то есть женский туалет), одним словом – освоиться на месте. Рядом со столиком с прохладительными напитками я вижу Дракона. Он разговаривает с какой-то молодящейся особой лет шестидесяти. Гольф-клуб устроен очень интересным образом. Внизу крытая площадка с газоном – для игры в этот самый гольф, чуть на возвышении нечто вроде буфета, ну а если подняться еще выше, то и вовсе попадешь в ресторан. На том же этаже что-то вроде молодежной дискотеки. Но с каждого этажа открыт вид на площадку для гольфа и есть возможность наблюдать за игрой. Некоторые и в самом деле пришли сюда, чтобы уделить время гольфу. Один из таких посетителей – Ординатор, который в данный момент не очень умело махал клюшкой на поле. Минут через пять он в пух и прах проиграет своему партнеру – рыжему дядьке, похожему на ирландца. И после этого купит в местном магазинчике новую клюшку.

– Давно ждете меня?

Игорь появляется на ковровой дорожке, ведущей к ресторану, и одет он, пожалуй, чуть поэлегантней, нежели я.

– Вы опоздали ровно на четыре с половиной минуты, – отвечаю я на английском языке.

Игорь извиняется, но, главное, он уже получил от меня информацию. На весь захват у нас четыре минуты с копейками. Времени вынужденного ожидания мне вполне хватило, чтобы рассчитать расстояние, количество шагов, учесть ряд мелочей. Корсар этого сделать не успел,

да это и не его профиль. Тем временем мимо нас проходят двое мужчин, с увлечением говоря почему-то не о гольфе, а о футболе.

– Самый ужасный счет 4:0, – произносит один из них, в котором я и Игорь без труда узнаем Дракона.

– Почему? – удивляется его собеседник.

– Не знаю, наверное, что-то личное, – отвечает Дракон, и разговор о футболе переходит на тему оценки достоинств центровых нападающих.

Собеседники удаляются, Игорь же теперь знает «экспертную оценку» Дракона. У того получилось ровно четыре минуты. Ну что ж – он парень молодой, тренированный, ему четырех вполне хватит.

– Все-таки четыре с половиной, – берет мою сторону Игорь.

Между тем в поле нашего зрения появляется Ординатор. Он уже проигрался, вид невеселый, во рту сигарета, хотя Ординатор (как и все сотрудники спецгруппы) не курит. И тут на мобильник Игоря приходит сообщение, которое понятно только ему одному. Это Канторов с улицы передал командиру, что в гольф-клуб зашел Вишняк. Корсар вчера сообщил Игорю и мне, что встреча Лимма с Вишняком назначена на 19.30, и Герман, как всегда, оказался точным.

– Лимма здесь нет, – говорю я Игорю.

Тот ничего не отвечает. А я вижу Вишняка. Он одет по-спортивному, ко всему прочему обзавелся усами и небольшой бородкой, неторопливой походкой направляется к столикам с напитками.

– Лимм, – очень тихо произносит Игорь, первым заметивший покупателя.

Теперь и я вижу «коммерсанта из Лондона». Вырос точно из-под земли. И сигнал с улицы от наших наблюдателей мы не получили. Значит, Лимм уже давно здесь, где-то отсиживался, но имел возможность наблюдать обстановку. И все мы могли быть в его поле зрения. Серьезный противник, но вряд ли мы чем-нибудь могли выдать себя. Разве лишь тем, что впервые появились в «Белой лошади»? Лимм может знать в лицо всех завсегдатаев? Игорь явно думает о том же, что и я, но молчит. Это означает, что операция продолжается и будет идти по ранее разработанному плану, без малейших отклонений. Но с учетом того, что рядом могут оказаться люди Лимма. Коммерсант из Лондона действует неторопливо. Медленным шагом двигается по направлению к Вишняку. Сейчас они поздороваются и направятся в ресторан. Но дойти до него они не должны. Между тем из спортивного магазинчика показывается Ординатор. В его руках только что купленная клюшка, которой он любит и желает обсудить ее качества с первым встречным. Лимм и Вишняк обмениваются сдержанным рукопожатием, лондонский коммерсант кивает в сторону лестницы, ведущей к ресторану. Игорь берет мобильник и отправляет сообщение группе Парашютиста. Теперь наши сослуживцы знают, что оба объекта на месте, и мы приступаем к их задержанию.

4

– Простите, туалет не работает, – говорю я крупной блондинке, при этом перегородив ей путь к дамской комнате.

– Почему? – спрашивает та на ломаном английском, и я тут же понимаю, что это не ее родной язык.

Вид у нее удивленный, но она спокойна. И еще у нее, пожалуй, слишком умные для блондинки глаза.

– Всего пять, самое большое восемь минут! – улыбаюсь я блондинке.

– Ну, хорошо, – соглашается та и возвращается в ресторан.

Скорее всего, она немка, Впрочем, какое это имеет сейчас значение. Я забываю о ней, как только она исчезает из моего поля зрения. В женском туалете в данный момент никого. Я «дежурю» у входа, моя задача в течение четырех минут никого туда не пускать. А в это время на лестнице, ведущей в ресторан, разворачивается следующее действие. Дракон, переодетый в униформу служащего гольф-клуба, ставит у входа в ресторан заградительный барьерчик с надписью: «Подождите три минуты! Идет телесъемка!». Такие вещи в гольф-клубе не редкость – в «Белой лошади» частенько снимают рекламные ролики, владельцам клуба это весьма выгодно. В этот момент Лимм и Вишняк уже поднимаются к ресторану. За их спиной аналогичную табличку ставит Ординатор и тут же, не расставаясь с только что приобретенной клюшкой, направляется в ресторан следом за Лиммом и Вишняком. Чуть поотстав от Ординатора, двигается Игорь. По счастью, на лестнице больше никого нет. Ординатор с клюшкой в руках обгоняет Вишняка с Лиммом, ему навстречу двигается одетый в униформу Дракон.

– О, куда вы?! С этим нельзя в ресторан! – кивает Дракон на клюшку Ординатора.

Ординатор останавливается и тут же протягивает только что купленный предмет Дракону.

– Отнесите, пожалуйста, в мой автомобиль! – Голос у Ординатора полупьяный и при этом вальяжный. – Ключи принесете за мой столик.

Лимм и идущий чуть поодаль от него Вишняк не замедляют шаг, обгоняют Ординатора и через десяток ступенек окажутся в ресторане. Но не оказываются. Ординатор бьет клюшкой по затылку Лимма, а Дракон в прыжке отключает каратиста Вишняка всего одним точным ударом под сонную артерию. Игорь подскакивает и вместе с Ординатором взваливает на плечи более тяжелого Вишняка, Дракон в одиночку таким же образом тащит Лимма. На наше везение дамская комната находилась чуть ниже ресторана, и место захвата наших обоих «клиентов» мы выбрали очень удачно. Оба тела заносятся в дамский туалет, я же как ни в чем не бывало остаюсь на посту. В туалете мной уже все подготовлено: единственное окно, ведущее на улицу, выпилено мною специальным стеклорезом, там же оставлена веревочная лестница и специальное канатное устройство для спуска крупных предметов, в данном случае лишенных сознания тел. С улицы должны подстраховать Канторов и его группа, обеспечить погрузку «клиентов» в машины и их последующую доставку в специально снятый Корсаром загородный коттедж. Мои наручные часы показывают, что с момента начала движения объектов по лестнице прошло чуть больше двух минут. Как только часы показывают три минуты, меня негромко окликают из туалета. Это значит, что наши «клиенты» уже спущены вниз и теперь настала моя очередь покинуть «Белую лошадь». Я спускаюсь по веревочной лестнице на асфальт. Клиенты уже «упакованы» в два автомобиля. Следом за мной спускается Игорь. Командир всегда последним покидает место проведения операции. Стоящий рядом с машиной Алексей Канторов, он же Парашютист, не по-служебному подмигивает мне. Машины готовы к отъезду, плюс сопровождающий эскорт – мотогонщик Дима, разумеется, на мотоцикле и его очаровательная спутница Нина. Они поедут замыкающими. Игорь соскакивает на асфальт, сматывает веревочную

лестницу. И тут же падает, сраженный автоматной очередью. Со стороны близлежащего сквера слышится треск очередей и вспыхивают редкие, быстро гасимые ствольными глушителями вспышки. По нам открыт шквальный огонь. Наш автотранспорт в считанные минуты оказывается изрешеченным. Канторов хватается меня чуть ли не в охапку и швыряет за припаркованный у стен «Белой лошади» длинный серебристый лимузин. Сам же вскрикивает и падает на асфальт, не успев укрыться. Я вижу упавшие на мостовую тела Ординатора, Димы и Дракона. Знаю, что Денис, сидящий за рулем одной из машин, тоже уже мертв. Нина решается на героический трюк: заняв место выпавшего из мотоциклетного седла Димы, она заводит мотоцикл и пытается мототараном встретить выскочивших из сквера автоматчиков. Одного ей удается сбить, мотоцикл теряет при этом скорость, и другие автоматчики, воспользовавшись этим, почти в упор расстреливают и сам транспорт, и Нину...

У меня нет никакого оружия. Я затаилась за длинным серебристым автомобилем, боюсь выглянуть, но слышу, что неизвестные автоматчики приближаются все ближе и ближе. И еще я слышу стон тяжело раненного Алексея Канторова. И ничем не могу помочь ему.

– Не ожидал тебя здесь увидеть! – слышу я чей-то не знакомый мне голос всего в каких-то четырех шагах от себя. И разговор начался на русском.

– Неужели ты?! – ответил незнакомцу пришедший в себя Канторов.

– Я немного изменился. Но лишь внешне, – ответил Алексею незнакомец. – Лихо я вас сделал?

Канторов не ответил. А через секунду щелкнул хлопок, обычно так звучит выстрел из оружия с хорошим глушителем.

– Прощай, Алеша, – только и произнес незнакомец, и его шаги стали приближаться к моему укрытию.

Вот он совсем близко, в каком-то метре от меня. Остановился и произнес:

– Вылезайте, девушка! Все самое страшное позади.

Мне пришлось повиноваться. И весьма удивиться, узнав в говорившем Ричарда Лимма. Выходит, он давний приятель Алексея Канторова?! «Лихо я вас сделал?!» Автоматчики между тем испарились столь же быстро и профессионально, сколь и устроили нам засаду. Рядом с одной из наших машин лежало тело Германа Вишняка. Прихлопнули-таки бандюгу. А Лимма освободили. Команда по профессионализму не уступала нам. Скорее превосходила нас, и с этим уже ничего не поделаешь.

– Вы очень напрасно все это затеяли! – говорит мне Лимм на чистейшем русском языке. – Так-то вот, девочка. С испугу не описались?

Я молчу. Сейчас Лимм пристрелит меня. Из того же самого оружия, из которого только что он добил раненого Канторова.

– Что ж, простите за нескромный вопрос и... за все это. – Лимм кивнул в сторону мертвых тел моих сослуживцев. – Девочкам не стоит лезть в мужскую игру. Прощайте, милая моя, надеюсь, больше мы не увидимся.

С этими словами Лимм очень быстро скрылся в темноте вечернего сквера. И тут же послышался вой полицейских сирен. Разговаривать с полицией мне было не о чем, поэтому я, не менее быстро, чем Лимм, покинула злосчастное место, отнявшее жизнь у моих боевых товарищей.

Через час, по номеру экстренной связи, я имела разговор с Корсаром. Еще через час он забрал меня, усадил в какую-то машину и отвез в аэропорт. А спустя еще четыре часа мы уже летели в Москву.

– Ничего не понимаю, – очень негромко произнес Корсар, когда мы были уже в полете. – Либо я где-то засветился, либо... Кто-то намеренно подставил и уничтожил группу Игоря. Более Корсар к данной теме не возвращался.

В аэропорту нас с Корсаром встретила делегация в лице начальника управления спецопераций и незнакомых мне шкафообразных ребят в штатском. Мы были посажены в разные машины, и нас доставили в следственное управление, более известное как Лефортовское.

Из утренних новостей граждане узнали, что в столице одного тихого европейского государства произошла кровавая разборка между кланами «русской мафии». Вот так мои сослуживцы попали в категорию заурядных бандитов.

5

– Как вы можете объяснить, что отряд профессионалов столь высокого класса, как группа Игоря Климова, был уничтожен столь быстро и практически до единого человека?

Меня допрашивали уже битых два часа. Правда, с двумя небольшими перерывами. Даже кофе дали попить. С пирожками, видимо, домашними.

– Как я уже говорила, у нас не было оружия. Вы же знаете, на территории других государств мы работаем без боевого оружия, – меня заставляли уже по третьему разу повторять одно и то же.

– Я не это имею в виду, – устало покачал головой допрашивающий меня немолодой мужчина в штатском, видимо, тоже уставший от одинаковых ответов. – Вас ведь вычислили и уничтожили, не дав выполнить поставленной задачи. Выходит, вы где-то засветились. Такое с группой Игоря Сергеевича произошло впервые...

– Такое всегда происходит в первый и последний раз, – довольно дерзко отозвалась я.

– Итог спецоперации: вся группа, кроме вас, Инга Валентиновна, уничтожена, Вишняк убит. И мы по-прежнему ничего не знаем о Лимме. А вся Европа теперь полгода будет говорить об ужасной «русской мафии», – произносит немолодой в штатском и переглядывается с молодым брюнетом в офицерской форме с петлицами военного юриста.

Этот немолодой в штатском – председатель комиссии по внутренним расследованиям. Ранее я его не видела, но он не меньше чем генерал-лейтенант. Причем из тех генерал-лейтенантов, которые лишний раз не любят светиться в прессе и по телевидению. Ну а брюнет с офицерской выправкой – следователь по особо важным делам. Причем не просто «следак-важняк», а следователь, имеющий допуск к государственной тайне. Его задача все запротоколировать и передать дело в суд. Начальник отдела спецопераций генерал Лазарев находится здесь же, но он по обыкновению молчалив и незаметен. Внимательно вслушивается в каждый вопрос и еще больше в ответ.

– Лимм разговаривал со мной по-русски. Очень чисто, без акцента, как коренной россиянин, – решаю перевести разговор в другое русло.

Председатель комиссии переглядывается с начальником управления Лазаревым, но тот спокоен и молчалив, точно забронзовевший.

– Ну и что из этого? – спрашивает меня председатель. – Лимм наш соотечественник? Вполне возможно. Что дальше?

– Дальше? Дальше вы не дали мне договорить, задали какой-то не имеющий отношения к делу вопрос. – Мне удалось-таки сдерзить и немного осадить председателя. – Так вот перед смертью полковник Канторов узнал Лимма.

– Канторов узнал Лимма? – Этот вопрос задает мне начальник управления спецопераций генерал Лазарев.

Это его второй вопрос. Первый был: «Как вы себя чувствуете, Инга Валентиновна?»

– Да, – ответила я и тут же уточнила: – По голосу. Ранее, по фотографии, Алексей Алексеевич не опознал его. Может быть, Лимм сделал пластическую операцию?

Начальник управления знать этого не может, поэтому вновь погружается в молчание и бесстрастность.

– Инга Валентиновна, вы не первый год в нашей профессии, – заводит речь председатель. – Увы и ах, но мы сейчас не можем верить вам на слово.

Мне нечего ему ответить. В самом деле, мне и самой себе трудно поверить, что этот Лимм подарил мне жизнь. Между тем в соседнем кабинете высокие чины из СВР и контрразведки беседуют с Корсаром.

– Вы курите? – спросил меня следователь, доставая пачку сигарет.

– Нет. Но от рюмки коньяка не откажусь.

Никто не изобразил даже подобия улыбки. Следователь переглянулся с председателем и начальником управления как с более старшими по званию и должности.

– «Таврия» устроит? – спросил председатель.

– Устроит.

Самое смешное, что коньяк мне приносят. Причем вместе с долькой лимона и бутербродом с красной икрой. Правда, компании мне никто не составляет, пью коньяк и наслаждаюсь икрой и лимоном в одиночестве. Главный мучающий меня вопрос – выпустят ли меня из Лефортова? Следственный изолятор ФСБ рядом. Отправят, как миленькую, в камеру, комфортабельную, со всеми удобствами, телевизором и свежим бельем. Может быть, даже ДВД-приставка там имеется. Со старыми советскими фильмами, новые я не смотрю. Начальник управления должен знать вкусы своих подчиненных. Мне в камеру не хочется. Мне бы к бабушке в деревню, и чтобы был летний вечер, горел костер и дымил самовар. Но это невозможно. Ни сейчас, ни вообще когда-либо. Бабушка умерла, ее домик отец и дядюшка переделали под коттедж. Тоже хорошо, но я с самого раннего детства привыкла к бабушкиной хибарке.

– Что-нибудь еще желаете? – спросил следователь, когда я покончила с икрой и коньяком. – Если нет, продолжим разговор.

Не допрос, разговор. Уже хорошо.

– Продолжим, – киваю я.

– В какой момент по вам открыли огонь?

Вопрос совершенно идиотский, просто-таки кретинский. То, что мы угодили в хитро подготовленную засаду, не вызывает никаких сомнений. Нет, господам дознавателям точное время нужно.

– Вас интересует, почему меня не сразили автоматные очереди? – устало интересуюсь вместо четкого ответа.

– Да. Поймите нас правильно, Инга. – Председатель уже обращается ко мне без отчества, ну и ладно. – Изложенная вами версия трагических событий, мягко говоря...

– Вы мне не верите, я это уже слышала, – еще более усталым движением киваю головой.

Меня спас полковник Канторов. Спас дважды за сутки. Я уже говорила это, повторять не хочется.

– Я осталась жива и теперь должна ответить и за живых и за погибших?

Этой банальной фразой я хочу положить конец затянувшейся беседе. Мне нечего больше добавить, пусть отправляют в камеру, заводят дело. У них еще есть Корсар, и ему в свою очередь есть что рассказать.

– А в каких отношениях вы были с погибшими офицерами спецгруппы? – задает совершенно дурацкий в данной ситуации вопрос следователь-брюнет.

– Мало ли кто как к кому относился? – раздраженно отзываюсь я.

– Лучше отвечайте! – настаивает следователь.

– Отношения теплые, дружественные и сугубо служебные, – удовлетворяю я следовательское любопытство.

– Хорошо, Инга, на сегодня беседа окончена, – подвел наконец итог председатель.

И в которой раз акцентировал внимание на том, что у нас беседа, а не допрос, пусть даже в стенах следственного управления.

Покинув Лефортовское здание, я поняла, что времени у меня очень немного. Сейчас за мной еще не пустили «наружников», не установили тотального наблюдения, и этим коротким временем надо воспользоваться. Канторов узнал Лимма! Идти надо от этого. Что я знала о самом Канторове? Орденоносец-десантник, участник нескольких войн, командир разведывательно-диверсионного подразделения. И еще отличный мужик, нарушивший служебную инструкцию, но при этом спасший меня от грабителей. Игорь зачитывал его личное дело. В

разведгруппу полковника ВДВ Алексея Канторова входило всего три человека, включая его самого. Игорь назвал их фамилии. Кажется, Гриднев и Касаткин. Да, да – у меня автоматическая профессиональная память на фамилии. Это маленькое подразделение могло выполнить самое сложное и опасное задание, втроем они провели операцию по освобождению десятка российских пленных, которых держали высоко в горах. Подробностей Игорь не сообщил, но было ясно, что полковник и двое его подчиненных ребята лихие, редкой выучки и храбрости... И еще – спецгруппу Игоря Климова выдал тот, кто был хорошо осведомлен о целях и подробных деталях операции. Этот человек очень опасен, и если еще жив, то сделает все возможное, чтобы свалить всю вину на меня или же... Заставит меня замолчать навсегда, как говорят у армейских, отправит в «бессрочный дембель». И не исключено, что этот человек совсем рядом, очень близко.

Спустя сорок минут, сидя за компьютером, я набираю в поисковой системе сразу две фамилии: «Гриднев, Касаткин». Выскакивает сразу добрая сотня, если не тысяча однофамильцев. Просматриваю всех. Какие-то кандидаты наук, вот приколисты из «народного юмора», волейболисты, регбисты, какая-то фирма по уничтожению кротов, мышей и саранчи, ландшафтные дизайнеры... Так, вот что-то интересное: «ЧОП «Небо и земля» – сопровождение, а также охрана грузов и частных лиц, транспорт свой. Обращаться к руководителям Гридневу А.А. и Касаткину В.К.» Сейчас обращусь. ЧОП – это частное охранное предприятие. «Небо и земля» – это символы, культовые слова из многих песен, книг и стихов о десантниках. Я достаю запасной мобильник и набираю указанный номер ЧОПа.

– Здравствуйте, мне нужно поговорить с руководством ЧОПа, – начинаю я, услышав ответивший мне мужской голос.

– А кто вы такая? – не очень любезно отзывается мужчина.

– Меня зовут Инга Назарова. Вы знали Алексея Алексеевича Канторова? – Я решаю сразу же взять быка за рога.

– Знаю, – не задумываясь отвечает невидимый собеседник.

– Он погиб, – тут же сообщаю я. – И при очень странных обстоятельствах. Мне бы хотелось выяснить, почему это произошло.

– Что за обстоятельства?

– Сейчас долго объяснять. Нужно встретиться.

На том конце не торопятся с ответом.

– Ладно, приезжайте. Не обещаю, что поможем, но готовы вас выслушать, – отвечает наконец мужчина. – Завтра вы приедете по адресу... – Он называет адрес загородного дома отдыха и объясняет, как найти спасательную станцию. – Вы будете одна, без режущих и колющих предметов. Мы готовы выслушать вас!

Я принимаю его предложение и отключаю связь. Завтра так завтра. Ну не арестуют меня до завтра, не арестуют! Готовить ужин у меня нет сил, и я отправляюсь в близлежащее кафе. Там-то и засекаю ребят и девчат из службы наружного наблюдения. Это значило, что меня взяли в серьезную разработку.

6

– Я рассказала вам все, что смогла. Алексей мертв, и меня могут обвинить в его смерти... Нужно найти Лимма.

– Сейчас все бросим и отправимся в Европу искать его.

Это произнес Радж, он же Саша Гриднев, и переглянулся с Валерой-Рамом. Тот молча, по-театральному, развел руками.

– Ваш бывший командир пошел под пули, а вы... Смотреть противно. – Я не сдержалась, поскольку нервы мои были на пределе.

– Ну а если серьезно, то мы с Валерием Константиновичем занимаемся сопровождением и охраной грузов, – проговорил Саша. – Ты же, подруга, нам предлагаешь...

– Ребята, я читала личное дело полковника Канторова, – оборвала я Гриднева. – О вас там сказано немного.

– Наверное, что водку любим, баб и на службу забили, – вставил Валера.

– И это тоже, – кивнула я. – Но главное, там сказано, что вашу боевую тройку использовали в самых критических, безвыходных ситуациях. Сказать мне вам больше нечего... Раз разговор пошел таким образом, то позвольте откланяться... Что-нибудь передать от вас Алексею?

– Кому? – первым уточнил Валера.

– Полковнику Канторову. Я имею шанс с ним скоро увидеться... На том свете.

– Ну что ж, Инга Валентиновна, – улыбнулся своим обгорелым и одновременно красивым лицом Саша-Радж. – Доставить Лимма из Европы мы не сможем. Но вот обеспечить вашу безопасность считаем своим долгом. На встречу с командиром торопиться не стоит.

– Между прочим, убить вас попытаются сегодня же, – добавил Валера.

– С чего вы взяли? – переспросила я, хотя имела сходное с Валерой ощущение.

– Зачем Лимм сохранил вам жизнь, я не понимаю, – покачал головой Саша. – Хотел устроить тех, кто работает против него?

Я не торопилась с ответом. Мне было интересно, как работают головы у этих ребятшек и есть ли смысл связываться с ними.

– Лимм и его люди уничтожили спецгруппу прекрасно подготовленных профессионалов. По-моему, для устрашения этого достаточно, – произнес Валера.

– Тебе, Инга Валентиновна, сохранили жизнь с двумя целями, – поднял вверх ладонь Саша. – Во-первых, тебя решили таким образом замарать и вывести из игры. Ясно же, что начнутся проверки, расследования. По Лимму, ты больше работать не будешь. Тут вот что получается: им, вашим противникам, нужно было оставить в живых кого-то одного. Этим кем-то по стечению обстоятельств оказалась ты, Инга! Наверняка за тобой, пока ты за автомобилем отсиживалась, в оптику следили, раз десять подстрелить могли, но по приказу Лимма сберегли... Замысловато, конечно... Но, скорей всего, так оно и было.

– Убить, по-моему, легче, – вставил Валера. – Нет человека – нет проблемы.

– Значит, проблема есть, – продолжил Саша. – И она состоит в том, чтобы в лице Инги Валентиновны был свидетель. Свидетель расправы над всей группой. И это – «во-вторник».

– Свидетель гибели моих коллег и Германа Вишняка, – согласилась я. – Вот что теперь получается: я возвращаюсь в Москву, докладываю подробности руководству. Начинается расследование. И тут самое время убрать меня.

– Да, – согласился Саша. – Потому что ты свою роль сыграла. В подробностях рассказала о провале операции, изложила все детали. Именно эти детали очень важно было донести до твоего руководства. Ты стала невольным дезинформатором.

Головы у ребят есть. Я ведь и сама подозревала нечто подобное. А Саша с Валерой лишь подтвердили мои предположения.

– В спецгруппе был человек Лимма, это вне всяких сомнений, – продолжал Саша. – И ты должна была видеть его гибель. Ну, то есть один из офицеров группы выжил под очередями, но симитировал свою смерть.

– Выжить под шквальным автоматным огнем? – высказал сомнение Валера.

– Против спецгруппы работали профессионалы никак не меньшие, все отработали до мелочей. Предатель внутри группы, и для всех, Инга, главным образом для руководства ФСБ и СВР, он мертв, – подвел не слишком веселый итог Саша.

– Выходит, автоматчики успели забрать этого предателя, а вместо него подбросить труп? – уточнил недоверчивый Валера. – В такой же одежде, сходной комплекции и с обезображенным пулями лицом.

– Это азы проведения спецоперации, – только и осталось вставить мне. – Против нас действительно работали профессионалы высочайшего класса.

Скорее всего, так оно и было. И, пожалуй, эта догадка была страшнее самой трагедии. Получалось, что кто-то из ребят оказался предателем? И не просто предателем, а убийцей своих боевых товарищей, тех, с кем еще недавно выполнял рискованные для жизни задания Родины. Мне не хотелось верить в это, но все складывалось именно так.

– А кто попытается убить меня сегодня? – перешла я к следующему вопросу.

– Люди из организации Лимма, которые наверняка имеются в России и, возможно, имеют связи с кем-нибудь из СВР или ФСБ, – ответил мне Саша. – Я думаю, они будут вас ждать на квартире. Она не на сигнализации?

– Нет, – покачала головой я.

Поставить квартиру на охрану мне всегда было недосуг, постоянные командировки, прочие дела. Да и брать у меня нечего – разве что книги, DVD-диски с советскими фильмами и расстроенное фортепиано.

– Наверное, меня уже ждут, – произнесла я и впервые улыбнулась.

– Нехорошо заставлять людей долго ждать, – улыбнулся в ответ Саша.

Пока мы улыбались друг другу, Валера уселся за компьютер, стоявший на журнальном столике почти в самом углу комнаты.

– Последние новости, – сообщил Валера, щелкнув клавишами, и кивнул на экран. – После кровавой бандитской разборки в центре европейской столицы один из русских мафиози сумел выжить. Сейчас он находится в военном госпитале под строгим контролем полиции и спецслужб. Более ничего не известно.

Я даже не знала, что и говорить. Один из наших – предатель, еще один ухитрился выжить. Может, это одно и то же лицо?! Или два разных?!

– Все это очень интересно, но сейчас мы двигаемся домой к Инге Валентиновне, – проговорил Саша. – Инга, ты можешь определить издали, есть кто-нибудь в твоей квартире или нет?

– Еще один идиотский вопрос, и буду бить в лоб, – вторично улыбнулась я, на сей раз куда шире, чем в первый. – Саша, я майор управления специальных разведывательных операций. Таким вещам меня учили на первом курсе института имени Андропова³.

– Ждать нас будут ребята, тоже кое-чему обучавшиеся, – вставил свое слово вечно недоверчивый Валера.

– Как будем действовать? – спросила я.

– У вас в сумочке должен быть парик, – проговорил Саша и попал в точку. – Сперва вы измените внешность. А потом мы познакомим вас с двумя нашими приятелями. Мы пойдем к вам в гости впятером! Не возражаете?

³ Краснознаменный институт разведки имени Андропова – закрытое учебное заведение КГБ-СВР для подготовки сотрудников разведорганов.

– Смотря что за приятели, – только и оставалось произнести мне.

Мы топтались метрах в пятнадцати от моего подъезда. Я сжимала в руках поводок и очень боялась сильно натянуть его или сделать какое-нибудь резкое движение.

– Расслабься, Инга, – негромко произнес Валера. – Он уже давно считает тебя хозяйкой.

Я в ответ лишь усмехнулась. Мои собственные волосы под париком взмокли, рука продолжала не слишком крепко сжимать поводок и совсем не чувствовала себя хозяйкой огромной, флегматичной на вид псины, с которой час назад меня «познакомили» Саша и Валера. На поводке у последнего была сейчас точно такая же собака – громадная, неторопливая, с толстенными лапами и коротеньким хвостом-обрубком.

– В квартире минимум один человек, – произнесла я, и моя собака посмотрела на меня недоверчивым оценивающим взглядом.

– Максимум два, – отозвался Валера. – На такие мероприятия больше народу не берут.

Все верно – два тренированных профессионала вполне справятся с одной бабой. А если я приду не одна, то на стороне тех двоих все равно будет внезапность. Они, конечно, хорошо подготовлены, но мой «маячок», оставленный на случай таких вот непрошенных гостей, смахнули. На подоконнике моего окна стояла незаметная постороннему глазу конструкция из спичек и коробка. При этом занавески были задернуты очень небрежно, и конструкция опиралась именно на ткань одной из сморщившихся занавесок. При этом спички и коробок видно с улицы (правда, с помощью оптики, вроде театрального бинокля), а со стороны комнаты – нет. Что делает профессионал, попадая в незнакомую комнату? Первым делом проверяет окна и задергивает занавески таким образом, чтобы комнату было видно наполовину, а ему, профессионалу, легко просматривать улицу и подходы к дому. На спички и коробок он может внимания и не обратить. У меня на подоконнике много всего: ваза с кактусом, книги, тетради с конспектами по различным иностранным языкам, какая-то банка. На фоне всего этого спички и коробок профессионал может не заметить. Кактус, банку, книги он пальцем не тронет, штору поправит-проверит и оставит в том же состоянии, что и была, а вот на спички может внимания и не обратить...

Сейчас спичечной конструкции за моим окном не было. «Маяк» сработал, и я получила сигнал, что в моей квартире гости.

– Ну, погуляли, и будет, – произнес Валера, увидев, что к подъезду двигается высокий парень с длинными, собранными в хвост на затылке волосами и скрипичным футляром в руках.

Саша походил на музыканта-скрипача куда больше, чем на офицера ВДВ. Ему, в отличие от меня, не пришлось кардинальным образом менять внешность, напяливать парик и прочее. Обменявшись с Сашей не заметными стороннему наблюдателю условными знаками, мы с Валерой переглянулись. Я сейчас была некрасивой брюнеткой, темный цвет мне никогда не шел, да и куртка была мешковатой и весьма неподходящего грязно-зеленого цвета. Со стороны я производила впечатление дамы с дурным вкусом.

– Сейчас поднимемся по лестнице – и тебя нет! – произнес Валера. – Пошли, Банни!

Это он скомандовал моему псу. Надо же, у такого волкодава заячья кличка. Валерина собака, по имени Клаус, без всякой команды тронулась в ногу с хозяином.

Когда мы поднялись на мой этаж, Саша ждал нас с раскрытым скрипичным футляром. Внутри него был отнюдь не инструмент работы Страдивари. Я выпустила поводок и достала ключи. Псы оставались флегматичными и вялыми, несмотря на то, что, заходя в подъезд, мы спугнули выгнувшую спину рыжую кошку. Но столь полусонными Клаус и Банни оставались лишь до того момента, пока я не открыла дверь квартиры, а Валера тут же дал команду:

– Взять!

Собаки тренированы на запах. Данная Валерой команда означала взять тех, кто находится в отпертой мною квартире. По запаху волкодавы найдут их мгновенно, куда раньше, чем мы, какими бы профи ни были. Носы-то у нас не собачьи! Банни и Клаус действуют молча, по очереди внедряются в квартиру и тут же бросаются в одну из комнат. Вслед за ними там оказываются Саша с Валерой. Мне в квартиру заходить не велено, поэтому я лишь слышу то, что происходит в моей спальном комнате. Каких-то особых звуков оттуда не доносилось, просто слышен был шум возни и не очень громкие, отрывистые матерные фразы. Не прошло и минуты, как из комнаты послышался голос Саши:

– Хозяйка может войти!

7

– Знаешь их? – спросил Саша.

Передо мной на полу сидели два неприметных субъекта. Одинаковые прически, почти одинаковые лица с невыразительными чертами, одинаковые крутоплечие фигуры. Банни и Клаус стояли возле моих непрошенных гостей и вновь выглядели флегматичными и полусонными. Но лишь до того момента, пока один из плененных субъектов не сделал неосторожное движение правой рукой. Пасть моего Банни тут же сомкнулась на его кисти так, что субъект взвыл. Валера остановил пса, иначе тот вполне мог оттяпать пленнику руку. Я не признаю в обоих пленниках старинных знакомых, и Саша переходит ко второму акту:

– Ребята, есть шанс сохранить жизни и не замараться. Что скажете на это?

– А что нужно сказать? – переспросил один из пленников.

Голос у него тоже был незапоминающийся, без интонации, такие голоса еще бесцветными именуют.

– Только одну вещь. Кто вам платил, кто нанимал? Истинных заказчиков вы не знаете и знать не можете. А вот посредник, который дал деньги и перед которым вы должны будете отчитаться, вам известен.

– Какой посредник? – хмуро усмехнулся разговарившийся пленник.

– Который приказал выбросить из окна вот эту даму, – кивнул в мою сторону Валера.

– Что за чушь? Никого мы убивать не собирались! У нас и оружия-то нету, сами видите!

– Так я и говорю – вы девушку собирались в окно выбросить. Сымитировать самоубийство. Вам ведь именно такую смерть заказал посредник?

– Да мы хату просто ломануть хотели, выпасли, что не на сигнализации... Да вот обломилось, вы с этими чертями явились. А девушку мы и в лицо-то не знаем.

Я уже сняла дурацкий парик, куртку и приобрела свой привычный облик сероглазой блондинки.

– Так, а вот эту байку забудь и не повторяй! – недобро улыбнулся Саша.

Мои киллеры решили выкрутиться из сложной ситуации самым примитивным образом – изобразить заурядных вору, случайно попавшихся на краже в моей квартире.

– Ребята, у вас только один шанс спасти свои жизни – указать посредника. Большого не требую. Называете мне этого человека, и мы отпускаем вас на все четыре стороны, – спокойным ровным тоном продолжил Саша.

– Так уж и отпустите? – не поверил пленник.

– А на что ты нам сдался? Если по закону, то нужно вызывать милицию, следаков. Ты им будешь заливать про неудачное ограбление, они слушать будут, у них на это время есть. А у меня его нет. Или говоришь то, что я спрашиваю, или...

При последнем слове Саша мило улыбнулся и вдруг резко ударил пленника ногой в грудь. Тот охнул и закашлялся.

– Не скажешь, что спрашиваю, – оба получите пару таких вот ударов, а потом я скажу нашим псам одно волшебное слово, – не дав допрашиваемому откашляться, проговорил Саша все тем же вежливым спокойным голосом.

– Хоронить вас после этого слова будут в закрытом гробу, – подвел черту Валера. – А потом в газетах напишут, как двое воришек забрались в квартиру, но не учли, что там жили две служебные собаки. Оpoznали несчастных жуликов лишь по остаткам одежды.

– Если отпустите... Нам самим теперь рвать из Москвы нужно, дело-то провалено.

При этих словах пленник вдруг выпучил глаза и схватился за собственную грудь. Собаки готовы были броситься на него, но Валера дал им сдерживающую команду. Пленник упал на пол, а со вторым стало твориться то же самое, что и с первым. Не прошло и десяти секунд, как

оба смотрели в потолок остекленевшими глазами. Пульс можно было не щупать, я сделала это чисто машинально, так как имела медицинскую подготовку.

– Поздравляю, – только и произнес Саша.

– Кого? – переспросил Валера.

– Самого себя. Теперь у нас два трупа. Попробуй докажи, что не мы отправили их на тот свет.

– И кто же их?

– Тот, чье имя этот разговаривавшийся хотел назвать. Подстраховались, черти, на все сто. Так-то, Инга. Ребят наняли, чтобы они симитировали твое самоубийство. Ты обычно в восемь вечера уже бываешь дома. Сейчас восемь сорок. Они должны были тебя убить, а потом отправиться следом. Заказчик, точнее, посредник, отравил их ядом медленного действия. И он вовремя сработал.

– А если бы я задержалась, то обнаружила бы их трупы, – подвела итог я. – После этого меня могли обвинить в умышленном убийстве. В любом случае меня бы вывели из игры.

Некоторое время мы молчали. Два трупа моих несостоявшихся киллеров продолжали мертвыми глазами пялиться в потолок, собаки Клаус и Банни вновь были в привычном сонно-флегматичном состоянии. Покойники их не интересовали, а вот нам предстояло что-то с ними делать.

– Я никого здесь не задерживаю, – усталым голосом произнесла я. – Квартира моя, покойники мои. Яд, пули – все это тоже мое.

– Инга, за idiotские слова ты обещала в лоб бить. Сама получить не боишься? – отозвался Саша.

– Боюсь, – позволила я себе улыбнуться.

– Мы вообще ребята пугливые, – заметил Валера. – Только вот отступать не обучены. Бывало, идем в развед рейд, страшно, аж все тело сводит. Зубами бы постучали, но нельзя: враг услышит. Так и движемся, так и воюем. Отступать отцы-командиры не обучили!

– И мама с папой, – кивнул Саша. – Мы продолжаем исполнять охранные обязанности.

– Спасибо, – произнесла я и тут же стала набирать номер начальника управления.

Управления специальных разведывательных операций, сотрудницей которого майор Назарова была и оставалась по сей день.

Мой начальник приехал на мою квартиру спустя час. Саша с Валерой были, пожалуй, несколько удивлены его обыденной внешностью незаметненького клерка. Голос у моего начальника тихий, говорит он мало, зато много слушает. Вот и сейчас он невозмутимо уселся в одно из моих кресел и молча слушал все, что я, Валера и Саша узнали за истекшие сутки. Два лежащих по соседству мертвых тела не вызвали у генерала никаких эмоций. Он вообще никогда ничему не удивлялся. Я выложила ему все, вплоть до последних новостей из Европы о том, что один из офицеров нашей группы выжил и находится под охраной в госпитале.

– Это мне известно, – кивнул начальник относительно последней новости. – Сейчас по нашим и по дипломатическим каналам пытаемся выяснить, кто это. Госпиталь весь набит контрразведчиками, охраной. Вот что, господа хорошие! Против нас действует очень серьезный противник.

– Против «нас» – это против кого? – не смог не уточнить любящий во всем ясность Валера.

– Против России, – невозмутимо и не задумываясь ответил генерал.

– Понятно, – кивнул Валера.

– Так вот, я продолжу, раз здесь все в курсе. Вас, ребята, я хорошо знаю, все ваши боевые дела изучал, когда принимал на службу Алексея. Доверие к вам есть. И к тебе, Инга. Я верю, что все было именно так, как ты говоришь. Ведь если бы ты была связана с Лиммом, то ни за что

не вернулась бы в Россию. Тебе был прямой путь уходить с концами, но ты вернулась. Я тебе верю, председатель комиссии по внутренним расследованиям – нет. Более того, он настаивает, чтобы тебя взяли под стражу. В любом случае он настоит, чтобы тебя уволили из СВР.

– Пойду учительницей иностранных языков, – только и оставалось ответить мне.

– После того что случилось сегодня, – генерал кивнул в сторону покойников, – тебя, скорее всего, арестуют. А ты ведь единственный человек, работающий по Лимму.

– А Корсар? – не удержалась от вопроса я.

– Корсар тоже, но он не имеет навыка проведения спецопераций. Таким образом, ты, Инга, единственный целый и невредимый офицер спецгруппы, имеющий хоть какую-то информацию о Лимме, и еще ты знаешь его в лицо. Нужно найти Лимма, Инга.

– Как же я это сделаю, если не сегодня-завтра меня арестуют? – позволила-таки себе усмешку я.

– Вот адрес, по которому вы все трое прямо сейчас получите загранпаспорта и билеты на ближайший авиарейс, я обо всем договорюсь. – Генерал назвал ту самую европейскую столицу, где погибли мои сослуживцы. – Ищите Лимма, а вот это, – начальник вновь кивнул на трупы, – мне придется взять на себя. Как только ваш самолет наберет высоту, я вызову сюда следователей.

– Спасибо, Николай Арнольдович, – произнесла я. – Значит, моя задача найти Лимма, выяснить, что за организацию он представляет, и по возможности узнать что-либо о его агентурной сети в России?

– Да, – кивнул генерал.

Генерал давал мне шанс выяснить, кто предал и уничтожил моих сослуживцев. Шанс снять с себя все возможные подозрения.

– Тогда я приступаю к выполнению поставленной задачи, – по-казарменному произнесла я и переглянулась со своими телохранителями.

– Спасибо, товарищ генерал, – отозвался словоохотливый Валера. – Благодаря вам хоть Европу посмотрим. А то Кавказ видели, Балканы видели...

– Африку видели, – кивнул начальник управления.

– Ну у вас и осведомленность, – аж присвистнул Саша. – Была у нас такая спецкомандировка...

– Подробностей я не знаю и не спрашиваю, – произнес генерал. – Главное, вы оба имеете опыт заграничных командировок. И Ингу Валентиновну в обиду не даете. – Николай Арнольдович в третий раз кивнул в сторону трупов. – С Богом, ребята! До рейса четыре с половиной часа...

Часть II

Шанс для майора Назаровой

1

Военный госпиталь местных Военно-воздушных сил представлял собой длинное трехэтажное здание в живописном зеленом уголке на берегу огромного озера. Он располагался в пятнадцати километрах от столицы, в которую мы прибыли накануне вечером. Николай Арнольдович сдержал свое слово – по указанному адресу мы получили билеты и документы, а через пару часов были уже в воздухе. И теперь прогуливались по лесному массиву, прилегающему к госпиталю. Пройти на его территорию было проблематично: забор достаточно высокий, около двух метров, кругом понатыканы видеокамеры, а на воротах стоят высоченные верзилы в форме военно-воздушного флота. Тем не менее не позже сегодняшнего вечера мы должны попасть в госпиталь. И не просто в сам госпиталь, а в палату, где лежал раненый «русский гангстер».

Краем глаза я заметила, что у госпиталя припаркована машина с дипломатическими номерами, принадлежащая российскому посольству. Это означало, что в госпитале сейчас находится представитель нашего МИДа, при нем, скорее всего, офицер безопасности посольства, может, и из СВР кто прибыл. Но для нас эти соотечественники на сегодняшний день не союзники. Нелегал не может просить помощи у официальных представителей посольства. Рам и Радж с этим не спорят. В разведке ВДВ посольства и атташе ничего не стоят.

– У нас не более десяти минут, – сообщила я сопровождающим меня Саше и Валере. – Иначе нами заинтересуется местная контрразведка.

В самом деле, мы уже почти полчаса прогуливаемся рядом с военным объектом, пусть даже больничным. Нас наверняка уже засекли, но пока считают за празднующихся отдыхающих. Так вот пролетают полчаса, а у нас никаких мыслей, никаких зацепок относительно проникновения в госпиталь.

– Вон появился интересный товарищ! – произнес Саша, указав глазами в сторону автостоянки.

К ней быстро приближался невысокий полноватый молодой человек с покрасневшим лицом. Он явно только что с кем-то поскандалил и сейчас готов был сесть в свой автомобиль и уехать как можно дальше.

– Папарацци, – продолжил Саша и быстрым шагом направился вслед за полноватым молодым человеком.

В самом деле, перед нами был охотник до журналистских сенсаций и редких кадров. На шее у молодого человека висел фотоаппарат, на поясе цифровая камера в специальном футляре. Саша догнал его, когда тот уже готов был хлопнуть дверцей своего автомобиля.

– Эй, приятель, ты рано уезжаешь! – произнес Саша на хорошем английском языке.

Папарацци недоверчиво посмотрел на высокого худого парня с длинными волосами и обгорелым лицом.

– То, что тебе не удалось сейчас, можно сделать через некоторое время, – продолжал Саша, не снижая набранного темпа.

– Что я могу сделать через некоторое время? – переспросил репортер.

– Сфотографировать «русского гангстера», лежащего в палате, – как ни в чем не бывало отозвался Саша.

Репортер в ответ лишь усмехнулся.

– Тебе не повезло, нарвался не на тех людей. – Саша говорил быстро и при этом очень напористо, без пауз. – Тебя послали, а я вот готов помочь! Ну, хочешь пройти к палате, где лежит «русский гангстер»?

– Это моя профессия, – кивнул заметно повеселевший репортер. – И сколько ты хочешь за это?

– Ну... Сколько предложишь? – улыбнулся Саша.

– Если я сумею проникнуть в палату и сделать снимок...

Репортер на некоторое время задумался, затем выдал трехзначную цифру в евро.

– Проникнуть в палату, – кивнул Саша. – Кстати, в какой палате лежит русский?

– В восьмом секторе третьего этажа, – досадливо проговорил репортер. – Кругом охрана, не подступиться.

– В восьмом секторе, – повторил за репортером Саша. – И какая там охрана?

– Сидят несколько «горилл», тщательно следят за всеми, кто приближается к сектору.

– И что же, ты вот так вот, с камерой в руках сунулся к этим «гориллам»?

– А что было делать? Я договориться с ними хотел! Всего один снимок...

– Да, и потом гениальная обложка: «Русский гангстер пришел в себя и начал давать показания!»

– Он еще не пришел в себя, – покачал головой репортер.

– Откуда ты знаешь? – спросил Саша.

– «Гориллы» между собой говорили, – произнес папарацци и неприязненно вздохнул. – Туда даже полицию и бюро расследований не пускают. Послушай, ты сам-то хоть что-то знаешь? Одни вопросы! Я деньги за так отдавать не собираюсь!

Репортер гордо вскинул подбородок, но при своих скромных физических габаритах рядом с высоким Сашей выглядел сейчас достаточно комично.

– И правильно, – поддержал репортера Саша. – Я ведь у тебя деньги вперед не прошу. Подъезжай сюда завтра, в это же время.

– Завтра?! – чуть ли не вскрикнул репортер. – Завтра наверняка пара таблоидов опубликуют снимки этого русского! «Горилл» элементарно купят!

Физиономия неудачливого папарацци стала просто-таки багровой.

– Выражаю соболезнование, – на полном серьезе произнес Саша. – Но ранее чем завтра ничего не получится.

– Не знаю, завтра твой гонорар снизится ровно наполовину. Ну а если в таблоидах появится фотография, я и вовсе ничего платить не буду.

– А как зовут лечащего врача? – задал последний вопрос Саша.

– Доктор Кроук. Кажется, он полковник медицинской службы... Ты, что, и этого не знаешь? Именно Кроук отвечает за восьмой сектор!

– До завтра, приятель, – произнес Саша. – Постараюсь что-нибудь для тебя сделать. Попросим Всевышнего, чтобы у фотографов из конкурирующих таблоидов не заладился разговор с «гориллами».

При этих словах Саша демонстративно кивнул на небо. Начинающий папарацци хлопнул дверцей и сорвал машину с места на максимальной скорости.

– Браво, Саша. В десантных войсках учат такому получению информации? – произнесла я, когда мы уже мчались прочь от госпиталя во взятой напрокат машине «Бьюик».

– Я разведчик, – ответил Саша. – У Алексея Алексеевича был на хорошем счету.

Теперь мы знали, где именно лежит раненый русский. Папарацци иной раз работают не хуже профессиональных разведчиков, но при этом отличаются от них неумеренной болтливостью. Если удастся проникнуть в госпиталь, в этот злосчастный восьмой сектор, если удастся

увидеть, кто именно выжил... Ну а если еще удастся задать выжившему коллеге несколько вопросов, то сегодняшний день можно будет считать прожитым не зря.

А сейчас нам нужно заехать в магазин фирменной спецодежды и купить светло-голубую униформу медицинской сестры госпиталя Военно-воздушных сил. Она, правда, будет без специальной нашивки, ну ничего, как-нибудь выкручусь. Госпиталь ВВС шикарно построен и отделан, но при этом он очень велик. Хотя и трехэтажный, но при этом очень длинный. Персонала столько, что вряд ли все хорошо знают друг друга в лицо, тем более медсестер и санитаров... Для людей моей профессии такая ситуация называется «лучше не придумаешь».

– Вы остаетесь в городе. Лучше из отеля никуда не выходить, – даю последние наставления улыбающемуся Саше и помрачневшему Валере.

– Ни баб, ни водки, из казармы ни ногой, – отзывается Валера. – На Кавказе и на Балканах и то послабления были.

– Привыкайте, мальчики, – только и произношу я.

Мы остановились в одном из отелей среднего класса. По счастью, в номерах имелись телевизоры и DVD-приставки с фильмами. Теперь «мальчики» будут смотреть эротические комедии, а девочка отправится на некоторое время поработать медсестрой. Голубенькая униформа мне очень шла, жаль, что нельзя ехать в госпиталь прямо в ней. Придется сложить ее в большую дорожную сумку, аккуратненько, чтобы при этом не измять. А то я предстану не медсестрой, а существом, вынутым из одного места.

Выйдя на улицу, я моментально ловлю такси, называю адрес, и мы мчимся в сторону госпиталя доблестных ВВС вероятного противника.

– Где доктор Кроук? – интересуюсь я у одного из молодых врачей, столкнувшись с ним на лестнице, ведущей на третий этаж.

– Он на консилиуме, – ответил врач и тут же переспросил: – А зачем он вам?

– Я всего третий день работаю под его руководством, – мне оставалось лишь улыбнуться в ответ. – Немного боюсь его, он ведь очень строгий?

– Ну что вы, очень мягкий и деликатный человек, – произнес молодой врач. – Он что-то поручил вам?

– Нет, я сама хотела кое-что ему предложить.

– Еще успеете, – усмехается врач и спускается вниз.

А я поднимаюсь на третий этаж. Еще какие-то десять метров по коридору – и я окажусь в секторе восемь. В руках у меня упаковка с одноразовыми шприцами, поэтому, когда меня останавливают охраняющие палату «гориллы», я как ни в чем не бывало отвечаю им, что доктор Кроук распорядился доставить эти самые шприцы.

– Проходите, – разрешает один из «горилловидных» охранников, сам при этом следует за мною.

Что ж, пусть проводит. Мне достаточно увидеть того, кто выжил и теперь лежит в палате. Я подхожу к двери, но тут мне навстречу появляется крепенькая девушка, преграждает дорогу и молча берет из моих рук упаковку со шприцами. Охрана работает на совесть, мне не удастся ничего и никого увидеть, девушка вместе со шприцами исчезает за дверью, которую захлопывает перед самым моим носом. Теперь мне нужно постучать туда и сказать что-нибудь вроде: «Доктор Кроук просил передать, что сейчас...» Ну что сейчас?! Надо немедленно придумать, пока Кроук не вернулся с консилиума! Сейчас «горилла» что-нибудь заподозрит, надо уходить.

Я спускаюсь по лестнице, мучительно соображая, как проникнуть в злосчастную палату с «русским гангстером». И не попасться при этом в лапы «горилл». Начинаящий папарацци был прав – внешность у охранников восьмого сектора была внушительной. Мне же предстояло

обвести их вокруг пальца. Сейчас, в течение получаса, лучше никому не мозолить глаза. Раз мне удалось попасть на территорию госпиталя, все остальное – дело техники. Кстати говоря, попасть на охраняемую территорию тоже было делом непростым, но вполне решаемым. Я прошла вдоль забора, вычислила маленький участок, не просматриваемый видеокамерами, в одно мгновение перекинула специальную веревку с подъемным устройством и в течение секунды на «раз-и» оказалась на территории. Правда, приземлилась в какие-то заросли, но при этом ни я, ни кустарник сильно не пострадали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.